

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЪЕ

ЛЕС ТЕНЕЙ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Франк Тилье Лес теней

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48496637

Ф. Тилье. Лес теней: ООО «Издательская Группа „Азбука-Амтикус“»;

Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-389-17588-4

Аннотация

В романе Франка Тилье «Лес теней» (2007) престарелый миллиардер Артур Дофр решает с помощью начинающего писателя Давида Миллера осуществить давнишнюю мечту: воскресить на страницах книги серийного убийцу, известного под кличкой Палач-125. В результате этой странной прихоти Давид с женой и маленькой дочкой, а также Дофр и его молодая любовница должны провести в немецком захолустье, сердце черного леса, целый месяц. Холод, снег, затерянное в чаще шале. Писатель с азартом берется за историю об убийце-психопате, но вскоре всем становится ясно, что в шале творится что-то странное, а некоторые двери точно не стоило открывать...

Впервые на русском!

Содержание

1	5
2	9
3	16
4	25
5	37
6	47
7	59
8	66
9	81
10	85
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Франк Тилье

Лес теней

Franck Thilliez

La Foret Des Ombres

© Le Passage Paris – New York Editions, Paris 2006

© В. П. Чепига, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Моему далекому ангелу на небесах, который
повсюду со мной...*

*Ни шелеста крыльев, ни ветра, ни птичьего
пения.*

*Лишь ночь и бесшумного пульса биение.
Эжен Гийевик. Сфера*

1

Женщина в гневе разбила тест на беременность о балку.

Две полоски. Ее мир рушился на глазах.

Она бродила по чердаку, опустив голову, ступая босиком по занозистому полу. Что кровь... Разве это боль... Ее предали.

Под черепичной крышей гудел ветер; от его порывов пламя свечей вытягивалось в ниточку, дрожало и гасло. Сквозняк трепал на старом деревянном столе надушенное, изрезанное ножницами письмо. Любовное письмо. Шестьдесят третье по счету написанное ею. Этого письма он никогда не получит. Только не после нанесенной обиды. Нет, нет, никогда!

Взгляд снова упал на тест, и ярость ее удвоилась.

Чердак наполнял шелест крыльев. Внизу, на первом этаже, билась в клетке голубка. Не пройдет и часа, как птица умрет из-за нехватки воздуха. За окном проносились ночные тени, на окнах застывали прозрачные снежинки изморози.

Черные точки зрачков какое-то время следили за движением облаков. Вдалеке темнели жилые массивы... Руан.

Женщина сжала кулаки. Ее лицо было искажено, на нем читалось то, что свойственно каждому из нас, – все мы хищники. Когда нервозность и нетерпение немного спали, она устроилась за столом и судорожно написала на чистом листе:

Ты слепец. Она тебя использует. Одного ребенка, значит, не хватало? Повторить надо было? Зачем? Чтобы разлучить нас? Не поддавайся. Мы с тобой одной крови, и никто тут ничего поделатъ не может, даже она.

Ее худые пальцы опять задрожали. Буквы прыгали со строчки на строчку, как стрелка сломанного сейсмографа.

Она царапнула ногтями по столешнице и коснулась дула револьвера.

Не знаю, буду ли я писать тебе еще.

Ты не на высоте. Считай мое молчание наказанием.

Теперь моя очередь заставлять страдать. Игнорируя тебя.

Мисс Хайд¹

Ручка полетела в стену. Она небрежно запечатала письмо, потом бросила конверт на дно коробки, слишком большой для столь незначительной горстки слов.

Чего-то не хватало.

¹ Аллюзия на повесть шотландского писателя Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886). Главная идея повести заключается в том, что мистер Хайд, совершающий ужасные злодеяния, на самом деле является доктором Джекилом, в котором в ходе его научного эксперимента злое начало получило власть над добрым. (Здесь и далее – примеч. перев.)

Голубки, купленной в зоомагазине.

Женщина поспешила на первый этаж, в бешенстве сжимая птицу мира в руках. Чтобы пройти по анфиладе комнат, не нужно было открывать ни одной двери, все их она сняла с петель, методично, одну за другой.

Она тенью скользнула у зеркала, потом вернулась на чердак, пятясь, оставляя за собой кровавые следы от израненных ног.

Пристально посмотрела на секундную стрелку наручных часов и поднесла птицу к глазам.

– Если моргнешь семь, нет, восемь раз за десять секунд, значит Давид меня безумно любит. Семь раз – любит, но... Меньше шести не моргай, ясно тебе?

И она стала считать, все сильнее сжимая бедную птицу. Жалобный писк разнесся по всему дому.

– Моргай же, черт тебя подери!

Птица дернулась и затихла.

Женщина проиграла и начала искать оправдания. Это пари не считается, час назад она заключила такое же и тоже проиграла. Два раза подряд пари заключать нельзя! Вот именно! Она посмотрела в зеркало. За ней на стене висела фотография, вырезанная из газеты и увеличенная в человеческий рост, – Давид... Вблизи качество печати было ужасным, несмотря на компьютерную обработку каждого пикселя его лица, но издали, если приглушить свет... ей казалось, что Давид обнимает ее. Она часто часами сидела в

трансе перед этой фотографией и размышляла о них. Они отлично подходили друг другу. Если бы не его чертова жена...

Она постоянно думала о них. В постели, в ванной и даже в театре – роли, которые она играла, напоминали ей о нем. Давид осветил ее жизнь, как и многие другие, что были до него. Но те, другие, ушли в небытие. Он же... Он был другим. Хорошим, образованным и умным. Он писал ей так тонко, так трогательно! Он любил ее. Он по-настоящему ее любил.

Неожиданно она смягчилась и чуть не простила его и не порвала письмо. Быть может, он и в самом деле обрюхатил эту дуру еще до того, как они познакомились с ним в Сети. Разве мог он тогда знать?

Ее пальцы больше не дрожали. Все хорошо. Да. Спокойствие. Просто надо отдышаться.

Перед ней – зеркало. Давид, Давид, Давид, ты здесь, ты совсем близко.

Наверное, нужно наконец увидеться с ним. Поехать в Париж и не прятаться на этот раз. Утонуть в глубине его глаз. Почувствовать, как его руки ласкают ее...

Она тряхнула головой и сжала зубы. Ничего этого не должно было произойти. Завтра с утра пораньше она снова отправится в столицу. И преподнесет сюрприз Давиду и Кэти Миллер.

Ранним утром Давид Миллер деликатно приподнял ночную рубашку Маргариты – дамы втрое старше его. Он не был с ней знаком, и это прикосновение стало их первым и последним контактом. Позже Давид исчезнет в январском холоде так же, как и появился. Два часа идеального общения. В животе и смерти...

Маргарита лежала в собственной кровати, от нее приятно пахло одеколоном. Ее муж находился чуть в отдалении здесь же, в этой узенькой комнате, и грустно наблюдал за ней и Давидом с фотокарточки. Он тоже был значительно моложе своей супруги. Хотя... Эти пожелтевшие фото явно были сделаны не вчера... Давид осматривал тело покойной и одновременно надевал перчатки и белую медицинскую блузу поверх своего темного костюма. Он не обнаружил ни следов катетера, ни пролежней. Трупное пятно на левом ухе исчезло, стоило лишь нажать на него пальцем. Температура тела была еще достаточной и предвещала легкую работу. Тем лучше. В отличие от Жизели, коллеги Давида, которая обожала работать скальпелем, он ненавидел осложнения, особенно с покойниками, которых осматривал в самом начале дня.

Он провел дезинфекцию носа, рта, затем закрыл покойнице веки и рот. Самой большой сложностью в его профессии было придать мертвому лицу правильную улыбку. Не на-

тянутую, не через силу. И этой улыбкой подвести итог всей жизни умершей женщины. Это не просто, даже после семи лет работы и почти пяти тысяч трупов, прошедших через руки Давида.

Теперь надо было заняться тем, о чем он никогда никому не рассказывал.

Он провел горизонтальную линию скальпелем по горлу, одним верным движением пальцев сумел вытащить сонную артерию и яремную вену. Через одно отверстие он введет консервант, другое послужит выходом для выступающей жидкости. Он вычистит, промоет, отпустит грехи.

С опытом Давид научился делать одновременно несколько дел, тем самым выгадывая пару свободных часов, чтобы за день успеть подготовить к погребению несколько покойников. С финансовой точки зрения лишние пятнадцать евро были кстати: жена сидела на пособии по безработице и ребенок был еще слишком мал, чтобы она могла выйти на работу.

Он с особой тщательностью коротко подстриг ногти Маргарите и, пока в прозрачных трубках продолжала течь жидкость, нанес на руки умершей увлажняющий крем. Он снял с правой руки перчатку, мягко провел тыльной стороной ладони по морщинистому лбу женщины и, как ни странно, не почувствовал трупного окоченения. Он так хотел бы познакомиться с ней, как и с остальными своими подопечными. Просто немного побеседовать, улыбнуться друг другу или, быть может, выпить чашечку кофе. По крайней мере, пред-

ставиться ей: «Привет, я Давид. А вы?»

Сколько их прошло через его руки, и ни с кем из них он не был знаком. Он занимался бальзамированием. «Бальзамировщик», или еще хуже – «трупорез».

Прежде чем зашить тело, он ввел дополнительную дозу раствора для консервации.

Наносить грим его научила Кэти, жена, а не учителя. «Искусство превращения лица в белую маску!» – пошутила она в первый раз, когда Давид тренировался на ней перед финальным тестированием. Впоследствии он сделал грим своей визитной карточкой. Нанести тон, припудрить скулы, придать губам их естественный цвет... Выложиться по полной. Потому что если родным и запомнится образ Маргариты, то это будет ее последний образ. Покойно спящей пожилой дамы.

Давид открыл окно. Комнату заполнил ледяной воздух. Ночь отступала, улицы затягивало туманом, что предвещало хмурый день. «Без смертей точно не обойдется», – подумал он и вздохнул. Больше всего он не любил скончавшихся от ран и покойников после вскрытия. Он ненавидел собирать пазлы. И потом – как смотреть в остекленевшие и удивленные глаза изрезанного ребенка?

Любовь и ненависть к работе. Грустный антагонизм.

Давид закрыл окно и бросил взгляд на часы. Уже больше восьми, а Кэти еще не звонила. Может быть, сегодня утром писем не приходило.

Уже почти месяц они неизменно обнаруживали в своем

почтовом ящике анонимные письма – «Давиду & Кэти Миллер». Он не мог отвлечься и перестать думать об этом.

Он собрал инструменты и емкости с органическими отходами, сложил все в два алюминиевых чемодана. Запах формалина, казавшийся для непосвященных ужасной вонью, немного рассеялся. Маргарита сжимала в сложенных на груди руках деревянные четки, она казалась умиротворенной, на ней было ее самое элегантное платье. Она была прекрасна, как статуя. Теперь ее дочь могла войти.

– Я должен еще волосы уложить, но вы можете сделать это сами, если желаете, – прошептал он деликатно.

Женщина запахла кофту и чуть отступила. Потом подошла к матери. Давид увидел, что, несмотря на слезы, в глазах ее блеснуло облегчение, значит он хорошо поработал. Он предпочел бы благодарность, выраженную в денежном эквиваленте, но вполне довольствовался и словом, взглядом, полуулыбкой. И потом, деньги – в такой момент... Надо уметь сохранять достоинство... профессионализм...

– Как будто заснула, – прошептала она наконец, беря в руки щетку для волос.

Давид наклонился, чтобы помочь ей. Вначале всегда надо было чуть направлять. Подойти к покойнику не всегда просто, еще сложнее дотронуться до него. Потом женщина наловчилась. Последняя встреча матери и дочери. Быть может, самые интимные и волнительные мгновения за всю жизнь.

Выйдя на улицу, Давид вытащил телефон, чтобы позвонить Кэти. Он хотел знать, что еще выдумала Мисс Хайд в своем очередном письме. Прислала билет в театр, чтобы он отправился на спектакль и «думал о ней»? Или фотографию заката, «места, куда они поедут вместе»? Или, как происходило чаще всего, просто угрожала?

Однако он взял себя в руки. Упомянуть об этих письмах значило лишь снова подлить масла в огонь. В последнее время Кэти была на взводе, будто наэлектризованная, такая близкая и одновременно далекая. Всякий раз, когда он пытался обнять ее, она уклонялась от его объятий. Сколько они уже не занимались любовью?

Если хорошенько подумать, может быть, все же стоило обратиться в полицию. Чтобы вскрыть нарыв.

На данный момент Мисс Хайд его не пугала. Честно говоря, она никогда его не пугала, скорее интриговала. Она выражалась с элегантностью, отчего казалась ему женщиной зрелой, но в ее словах то и дело проскакивал юношеский максимализм. Она никогда не говорила о себе, только о них. Странное создание. В любом случае интересный персонаж для романа.

Давид поднял воротник зимней куртки, спрятал лицо в шарф и шагнул в густой туман. Давненько он уже не бродил по этим местам Девятнадцатого округа, по мощеным улочкам Бют-Борегар среди низких домов, крыши которых застилал туман. Интересное место для следующего триллера,

как знать? Земля с кровавой историей, изрытая подземными ходами. На крутых улочках ни души. Да, а мысль не такая уж дурацкая. Километры туннелей, заканчивающиеся в каменоломне. Там легко спрятать логово какого-нибудь психопата, скрыть ужасные жестокости. Непочатый край работы для его персонажа, полицейского Джека Фроста.

Ибо Давид писал. Когда не зашивал трупы, когда не спал, когда не падал от усталости, он писал.

В конце улицы Компан он остановился, поставив два больших алюминиевых чемодана на мостовую, чтобы отдышаться. По-видимому, ему не хватало тренированности. Столько лет в теннис играл, а теперь дошел до того, что времени не остается даже, чтобы побегать полчаса в неделю...

К счастью, на фигуре это не очень отразилось. В свои тридцать лет Давид имел сложение подростка, его глаза и волосы не потеряли темного блеска, зубы были в хорошем состоянии. Но на высоком лбу уже залегли первые морщины, о которых он, впрочем, совершенно не думал. Все там будем, каким бы кремом ни пользовались. И знал он об этом лучше, чем кто-либо.

Он заметил ее на углу, когда собрался идти дальше. Огромную «БМВ» с затемненными стеклами.

Его словно горячей волной окатило. Это не могло быть совпадением... Давид не сомневался, что уже видел эту машину накануне у своего дома. И вот она тут, за тридцать километров от него...

Ему нужно было пройти мимо «БМВ», чтобы оказаться у своего старенького автомобиля.

Он дошел до середины улицы, замедлился, потом снова ускорил шаг.

Тогда из машины выпрыгнуло что-то огромное и бегом направилось к нему.

Тепло закутавшись, Кэти Миллер побежала к почтовому ящику. Она уже час ждала почтальона у окна своего маленького загородного дома.

С начала месяца Мисс Хайд неизменно посылала им по два письма в день. Первое она обычно писала часов в десять вечера, второе – значительно позже, глубокой ночью. И в этом бессонном сумасшествии, которое заставляло ее писать глупости, она непременно указывала точное время. Что же касается духов, которыми были надушены эти абсурдные письма, то, по мнению Кэти, готовой в этом поклясться, это были «Шанель № 5».

Легкого флера парфюма и нескольких слов любви, адресованных мужу, с лихвой хватало, чтобы испортить ей день. Сама мысль о том, что кто-то мастурбирует у себя в ванне, предаваясь мечтам о ее Давиде, вызывала у нее желание уйти из дома.

Она понюхала только что принесенные почтальоном письма. Никакого запаха. Несмотря на жуткий холод, молодая женщина не смогла удержаться и начала вскрывать письма, медленно возвращаясь в дом по садовой дорожке. Счета, отрицательные ответы на ее резюме медсекретаря из мест, куда она их посылала... И ничего от психопатки. Радоваться этому при наличии кучи плохих вестей – конечно, что-то!

Она быстро поднялась на второй этаж, чтобы посмотреть почту Давида. Кликнула несколько раз на «Входящие», ей это не надоедало, она была уверена, что с минуты на минуту получит от Мисс Хайд пылкое признание или стихотворение. Но ничего не приходило. Значит, она вернется через час и снова проверит почту, потом еще и еще. Это уже становилось невыносимым.

Когда она входила в гостиную, в ноги ей кинулся Симеон, один из двух котов, которых она взяла из SPA². В зубах он держал мертвую птицу.

– А ну иди сюда, грязнуля этакая!

Тот бросился прочь. Она бежала за ним до самой кошачьей дверцы во входной двери; дверца издала бряцающий звук, который так развеселил маленькую Клару. Кэти натянуто улыбнулась дочери в ответ, ей было не до шуток. Потому что, хотя письма и стали приходить реже, оставался еще один нарыв, который надо было вскрыть.

Тот, что набухал у нее в животе.

Она вытащила Клару из манежа и прижала к груди, как последнюю защиту от отчаяния.

– Ох, моя милая! Если бы жизнь можно было прожить заново...

Под взглядом дочери Кэти сжала зубы, чтобы не расплакаться. Нет, она не сдастся. Ей никогда не приходилось при-

² SPA (Société protectrice des animaux) – Общество защиты животных, основанное в 1845 году, первая из подобных ассоциаций во Франции.

бегать к слезам, чтобы оправдать свои ошибки и поражения.

Она уложила дочь в кроватку и нежно провела рукой по волосам малышки. Она должна пройти это ужасное испытание в одиночестве. Последнее наказание за прежние слабости.

Вырвать эмбрион из своего организма.

Через час в больнице у нее состоится вторая встреча с врачом. В первый раз она подписала там согласие на аборт. И нужно было ждать еще неделю, целую неделю. Настоящая пытка. Сегодня же для прерывания беременности ей пропишут мифепристон, способствующий расширению шейки матки. Потом, с утра субботы, она будет принимать мизопростол. Через двое суток она выкинет эмбрион из своего тела – анонимно, в больничной палате. Давид об этом никогда не узнает.

Она тепло одела малышку, завернула ее в шарф и затем сама надела длинную замшевую куртку. Если кто-нибудь позвонит, она скажет, что ходила предложить свою помощь в питомник для брошенных животных. Он был последним прибежищем, помогающим Кэти побороть непреодолимую тягу ко всему съестному в холодильнике. От прежней спортивной, подтянутой женщины не осталось и следа.

Она искала ключи от своего старенького «форда», когда начали барабанить в дверь.

– Секундочку!

Она схватила на руки Клару.

За дверью стоял ребенок. Малыш Жереми, живший по соседству.

– Что такое?

Он протянул ей подарочную коробку:

– Это вам.

– То есть?

– Ну! Какая-то тетя сказала, чтобы я вам передал. Она мне даже десять евро дала!

Кэти резко поставила дочь на пол и кинулась на улицу. Ничего, только сизая полоса тумана.

– Кто? Кто тебе это дал?

– Ну... тетя, говорю же вам. Вроде тетя. Она сразу ушла. Извиняюсь, но мне тоже надо идти!

Пламенея от ярости, Кэти захлопнула дверь.

Значит, ничего не кончилось. Сначала письма, теперь подарки. И эта пиявка к тому же не сидит на месте! Из Руана приперлась! Из самого Руана – с подарком для мужа! Была бы здесь, ей бы не поздоровилось! Ей бы минута вечностью показалась.

– Ну что ж, готовься, скоро тебя ожидает сюрприз, – прошипела она, положив ладонь на посылку.

Решено: на этот раз она этого так не оставит. Все расскажет полиции. После обеда...

Она разорвала подарочную упаковку.

Конверт, картонная коробка. Кэти открыла ее.

Она только и смогла, что заорать от ужаса и в бессилии

опуститься на стул.

Клара с соской во рту подпрыгнула.

Кэти медленно поднялась, склонилась над коробкой.

Кровь.

Кровавые потеки застыли на груди голубки. Взгляд Кэти затуманился, зеленые глаза стали почти черными.

В анус птицы был засунут тест на беременность.

Зазвонил телефон, и Кэти вздрогнула от неожиданности.

Она не двинулась с места, сидела как парализованная на стуле, почти в бессознательном состоянии, а Клара дергала ленточки своей шапочки, крича: «Мама, телефон! Мама, телефон!»

Кэти не обращала внимания ни на звонки, ни на свою дочь. «Сад». Голова у нее шла кругом. «Тест... Возможно ли... Нет, только не это! Не может быть!» Она занесла в дом мусорный бак и зарылась в воняющие до одури отходы, отталкивая расплакавшуюся Клару. Тест. Нужно было найти этот чертов тест, завернутый в три слоя газеты и спрятанный на дне старой коробки из-под обуви. Как кто-то смог...

Она вывалила мусор на пол. Молоко, очистки, соус.

Коробки из-под обуви не было.

Кэти сидела в куче мусора, ей не хватало воздуха.

Ее ограбили. Ограбили нагло, порывшись в мусорном баке. По-звериному тщательно.

Ее тайна, вернее, часть ее тайны оказалась в руках этой сумасшедшей.

Кэти сдернула с шеи шарф, с головы – шапку, почти с мясом вырвала пуговицы на куртке. Не слыша криков ребенка, она вытащила из кармана куртки коробочку для таблеток и проглотила половинку лексомила. Через пару минут станет лучше. У нее ужасно тряслись руки.

Что делать? Что же делать? Прием в больнице. Клару к бабушке. Мусор в бак. Окровавленную коробку вон. Она все знает, господа, она все знает!

Кэти вскрыла конверт.

Не знаю, буду ли я писать тебе еще.

Ты не на высоте. Считай мое молчание наказанием.

Теперь моя очередь заставлять страдать. Игнорируя тебя.

Кэти схватилась за живот. Ее снова тошнило, кружилась голова.

– Клара, да замолчи уже!

Надо подумать... Письмо смять, бросить в камин, картонную коробку туда же. Где спички. Спирт. Пусть все исчезнет. Все эти ужасы.

Огонь разгорался янтарным светом. Кэти подложила три полена, они затрещали на углях. Когда она вернется, останется только золу убрать. Мы лишь прах и тени... Молодая женщина сидела у танцующего огня, обхватив голову руками. «Резюмируем... Значит, так...»

Во-первых... Мисс Хайд... Мисс Хайд думает, что ребенок от Давида. Естественно... Откуда ей знать, что Кэти не может иметь от него детей естественным образом? Слишком мало сперматозоидов, Клара появилась в результате ЭКО. То есть этой сумасшедшей, которая познакомилась с Давидом на книжной ярмарке в прошлом году, ничего по-настоящему о них не известно.

Во-вторых – и, вероятно, это было единственным плюсом настоящего кошмара, – Мисс Хайд решила больше не писать. Вот уж новость так новость! На сколько же ее хватит? А вдруг она опять начнет слать мейлы, письма, раскроет ее тайну, расскажет о беременности? Она может, никаких сомнений! И однажды Давид узнает, что она, Кэти Миллер, переспала с его лучшим другом.

Это случилось шесть недель назад. Шесть долгих недель, проведенных во лжи...

Телефон снова зазвонил. Звонила мать.

– Я знаю, что ты ждешь!.. Да, я осторожно... Да нет же, я не странная! Хватит, отстань! Да слышу я, что Клара плачет! Я... Мама, еду!

Мусор в ведро, подтереть тряпкой. Кэти заметила свое отражение в зеркале. Ее такие чудесные глаза превратились в два мертвых камня. И страшно сохли губы.

Теперь и речи быть не могло о том, чтобы обратиться в полицию. Слишком опасно. Естественно, эта психованная все расскажет, в том числе и историю с тестом на беремен-

ность...

Кэти попала в ловушку и отныне вынуждена будет ежедневно отслеживать приход почтальона, дабы не позволить больной женщине разрушить их с Давидом жизнь.

Началась психологическая дуэль.

Она набрала номер и потребовала немедленно заблокировать их электронную почту. Оказалось, что подобную услугу можно получить, только отправив заказное письмо. Что же делать? Она оставила рыдающую Клару, бросилась на второй этаж, разобрала корпус модема, ткнула провода отверткой, а потом снова тщательно закрутила шурупы.

«Нет сигнала». Пока Давид получит новый модем, пройдет несколько дней. Это было решением временным, неокончательным. Просто чтобы немного передохнуть.

Кэти стало противно от самой себя, но, чтобы сохранить их брак, она пойдет на все. Потому что она любит Давида. Любит до смерти.

Перед выходом она приняла таблетку примперана. Ко всему прочему, она ужасно плохо переносила беременности. Ее постоянно тошнило и бросало в пот. Скорее всего, Мисс Хайд перебралась как-то ночью через ограду и спряталась в саду. Быть может, она следила за ними из темноты, словно паук, подстерегающий добычу? Сколько это уже длится? Как далеко эту сумасшедшую может завести страсть?

Почти сразу же холод уступил место другому чувству – острому чувству страха.

Она не успела обратить внимание на женщину за рулем в конце улицы. На переднем сиденье рядом с которой лежал револьвер...

Пройдя половину пути, Давид с облегчением вздохнул. В гиганте, который выскочил из машины, не наблюдалось никакой агрессии, разве что устрашающие размеры. Он был в черном костюме, белых перчатках, легких туфлях с заостренными носами; седые волосы уложены гелем – этаким классический мажордом.

– Хозяин хотел бы поговорить с вами, господин Миллер. Мы понимаем, конечно, что подходим к вопросу несколько прямолинейно, но... господин Дофр подумал, что подобная оригинальная встреча должна понравиться автору детективов.

Давид отступил на шаг, он был в шоке.

– Детективов? Но... Кто вы? Откуда вы знаете, что я...

– Мы попытались связаться с вашим издателем, он отказался дать ваш личный номер, а поскольку вас нет в телефонном справочнике... Господин Дофр прирожденный детектив. Мы собрали разрозненную информацию о вас в интернете, позвонили кое-кому и смогли найти ваш адрес... – Он понизил голос. – Хозяин восхищен вашей работой, но он очень... как бы сказать... капризный. Ему так не терпелось встретиться с вами, что вчера вечером он решил поехать к вам домой, чтобы дожидаться вас там. Мы прождали целую вечность, но вы так и не вернулись...

Давид поставил свои тяжелые чемоданы на тротуар:

– А что вам мешало позвонить в дверь?

– Понимаете ли... Господин Дофр не может ходить. А для первого раза... он не хотел, чтобы вы увидели его в инвалидной коляске. В машине ему... в машине ему комфортно...

Давид посмотрел на затемненные стекла:

– То есть он приехал сюда только для того, чтобы обсудить мой роман?

– Совершенно верно.

Давид не мог прийти в себя. Кто-то приехал на дорогушей машине, чтобы поговорить о его первой книге. На мощном автомобиле, с шофером. К тому же этот кто-то чрезвычайно настойчив. В конце концов, может быть, и стоит уделить ему пару минут? С Маргаритой он закончил быстро, и у него было в запасе немного времени перед следующим клиентом.

– Ладно... я согласен встретиться с вашим хозяином, – ответил Давид. – Но при одном условии.

– Каком же?

– Чемоданы мои, пожалуйста, не трогать.

Великан-шофер кивнул и открыл дверцу.

– Садитесь, господин Миллер, – раздался уверенный голос.

Давид бросил короткий взгляд внутрь машины, опустил-ся в кресло и захлопнул за собой дверь этой махины. «Мажордом» застыл горой в тумане рядом с его чемоданами. Из кожаного салона Давида пробуравил взгляд темных глаз. На

него смотрел пожилой мужчина с гладким черепом и морщинистым лицом, выражение которого внушало полнейшее доверие.

– Прошу прощения, что не смог лично вас встретить, – произнес он спокойно, – но...

– Я... я знаю, – ответил Давид. – Ваш шофер сказал... сказал мне о том, что вам трудно передвигаться.

– Кристиан иногда довольно неуклюже объясняет ситуацию.

Его ноги полностью прикрывал меховой плед. Он протянул левую руку. Ухоженные ногти, очень тонкие пальцы.

– Я Артур Дофр.

– Давид Миллер, но... но думаю, что... что вы это уже знаете.

Дофр чуть улыбнулся в ответ:

– Я вижу, вы нервничаете... Вероятно, из-за несколько небанальных обстоятельств нашего знакомства... Мне очень жаль, но больше я ждать не мог, мне было необходимо увидеться с вами! Быть может, вы предпочитаете какое-нибудь более оживленное место? Я могу постараться и...

– Нет-нет... все в порядке.

– Прекрасно... Один друг прислал мне ваш роман, выход которого я, признаться, пропустил. Как правило, я слежу за литературными новинками, но тут...

– Потому что он затерялся в массе других. Обычная книга, одновременно с ней вышло еще штук восемьсот. Сложно

занять нишу, особенно когда тебя никто не знает.

Дофр вытащил книжку из кармана пальто и быстро пролистал. Судя по состоянию обложки, он уже не раз перечитывал роман.

– Обычная книга, говорите? Да это же настоящий шедевр! Я обожаю детективы и должен сказать, что я просто поражен!

– Вы мне льстите... Но мне приятно. Знаете, мне часто ставили в упрек то, что книга... мрачная... «мрачнее мрачного» даже, как кто-то мне сказал.

Дофр откинулся на спинку сиденья. В машине горела верхняя лампочка, правая рука Доффра блестела. Протез.

– Читатели – существа странные, – ответил он. – Они упииваются кровью, с ума сходят от самых страшных жестоко-стей, которых полно в грошовых книжонках... пока это не коснулось их самих. Они думают, что к ним эти зверства не имеют никакого отношения. Но вы попали в больное место, вы ткнули их носом в то, что они изо всех сил гонят от себя. В их собственную смерть, в реальность разложения тела.

Давид согласился с этим наблюдением. Наконец-то хоть один читатель его понял.

– Быть может, я совершил ошибку, – продолжил он, голос у него больше не дрожал. – Но я не принял в расчет тот факт, что книга должна развлекать, отвлекать. Словом, быть такой, знаете, которую листают у камина после тяжелого рабочего дня... Я хотел писать о самом ужасном, постоянно,

на каждой странице. И чтобы было реалистично. Более чем реалистично. В следующей книге я постараюсь так больше не делать.

– Не делать? Да что вы, наоборот! Во всяком случае, одного человека вы своим решением точно не осчастливите! У меня только и остались... они... книги...

Он вздохнул, глядя в пол.

– К сожалению, я должен прислушаться к критике, угождать вкусу читателей... Только так можно стать известным.

– Пойти против природы? Гм... Не уверен, что это верное решение... Ваша манера рассказывать истории говорит о том, что вы, как мне кажется, человек сумрачный, страстный... Но я, быть может, ошибаюсь...

– Не ошибаетесь, нет. Сумрачный, да... Думаю, это верное определение... Меня посещают довольно мрачные видения.

– Мертвецы? Все эти мужчины, женщины, дети, которых вы каждый день потрошите? Они являются вам?

– Знаете, смерть уродлива, она отталкивает, она требует, чтобы при встрече с ней люди кричали от ужаса. Я же сдерживаю ее, абстрагируюсь. Но в конечном счете все это спрятано где-то глубоко во мне. Так что мое перо – это как...

– Как громоотвод. Вы используете ваше перо, чтобы выплеснуть на бумагу избыток страдания.

– Совершенно точно. Мой... громоотвод... Прекрасное сравнение. Но уверяю вас: в моей повседневной жизни нет

ничего ужасного! У меня есть любящая жена, здоровый ребенок, и меня совершенно не привлекают ужасы!

– Лишь самую малость! – пошутил Дофр.

Давид улыбнулся, спокойно поглаживая небольшой шрам в форме бумеранга, рассекающий его правую надбровную дугу.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить? – предложил Дофр.

– Дело в том... что я немного тороплюсь. У меня много работы. Но может быть, мы сможем встретиться еще раз?

Дофр взял из мини-бара абрикосовый сок:

– У меня есть мечта, Давид. Мечта, которую я лелею вот уже более двадцати пяти лет... И мне кажется, что именно вы можете наконец претворить ее в жизнь...

– Не понимаю, о чем вы.

– Я хочу снова ходить. У меня осталась лишь левая рука, и, что самое ужасное, я был правой. Я хочу снова пользоваться рукой и ногами, которые доставляют мне лишь слабые и неприятные ощущения, когда массажист мучает меня своими приспособлениями. Я бы хотел бегать, прыгать, заниматься любовью. И заменить мне этого, к сожалению, не могут ни все богатства мира, ни путешествия, ни дома, которыми я владею. Но такой властью обладаете вы...

– Не думаю, что...

Старик чуть ссутулился и сказал с ноткой ностальгии в голосе:

– Танталовы муки. Я испытываю жажду, находясь рядом с

источником, но стоит лишь мне наклониться к нему, чтобы напиться, вода отступает. Роскошь, которой я окружен, иллюзорна и приносит мне лишь страдания. Единственной моей реальностью остаются книги. Я чувствую эту реальность, могу ощутить ее, обонять. Слова скользят по небу, от них кружится голова, это похоже на самый сильный наркотик.

Он выдержал паузу и посмотрел на Давида:

– Пишите для меня! Дайте мне роль в вашем романе, оживите меня вашими метафорами! За день работы я вам буду платить больше, чем вы можете себе представить. У меня есть контакты. Я смогу помочь вам, продвинуть вас. Я подарю вам возможность выбрать наконец ваше истинное призвание!

Он положил вспотевшую ладонь на руку Давиду, пальцы у него дрожали... Неожиданные эмоции.

– Это... – пролепетал Давид. – Ву!

Он встряхнул головой, как будто ему дали пощечину:

– Это так... неожиданно! Но... почему именно я? То есть... Почему вам не нанять литературного негра или более известного писателя?

Дофр распахнул здоровой рукой полы пальто, открывая ужасно худые ноги:

– Взгляните на меня еще раз. Третью этого тела уже в могиле. Я та грань, которую вы так хорошо описываете в ваших книгах. Я мертв и одновременно жив. Ваш роман попал ко мне, и это не может быть просто случайностью. Я хочу, что-

бы это были вы, только вы и никто другой. Специалист по смерти, танатопрактик-писатель. В ваших словах отражается моя персональная история. Я знаю, что вы все сделаете хорошо...

Давид упивался комплиментами. Этот человек, заточенный в свое разрушенное временем тело, хмурый, несчастный, говорил с ним так, как говорили родные умерших. «Я знаю, что вы все сделаете хорошо...»

– Мне... Что сказать? Для начала мне надо поговорить с женой, а потом... Это невероятно!

Давид уже чувствовал, как внутри его нарастает нетерпение: каждый день он скрывал свои чувства, каждый день слушал, копил чужие эмоции, никогда не выходил из себя, даже дома, кроме тех минут, когда... да, когда садился за компьютер и писал. Громоотвод... В конце концов, почему бы и нет? Почему бы не попытаться? По крайней мере, попробовать? Получать деньги за писательство... Да, это ничего не будет ему стоить, совершенно ничего. Даже наоборот.

– Как... Как мы поступим? То есть надо договориться... О теме, месте, эпохе... Выбираете вы, а пишу я? Сколько страниц? Детектив? Ужастик? Я не знаю, что...

Дофр взмахнул рукой:

– Не так быстро, не так быстро! Конечно, у меня есть кое-какие идеи. Но... вот, возьмите. Посмотрите потом – я тут положил несколько фотографий нашей резиденции и первое вознаграждение...

– Нашей резиденции? – повторил Давид и взял конверт, который ему протягивал Дофр.

– В лавке сапожника мечи не куют. Скажем так, я предлагаю вам определенный антураж, который, по моему разумению, даст пищу вашему воображению. От вас я хочу получить самое лучшее. Для нашего общего блага. Кроме того, вы увидите, что шале очень милое. А окружающая природа просто великолепна.

Давид постарался сохранять хладнокровие, а Дофр тем временем продолжал:

– В любом случае не волнуйтесь. Если в конце концов вы откажетесь, просто оставьте деньги себе, и обо мне вы больше никогда не услышите... Но, положив руку на сердце, я надеюсь, что смогу вас заинтересовать.

Давид хотел открыть конверт, но Дофр сделал отрицательный жест рукой:

– Приходите сегодня часам к пяти вечера в гостиницу «Сен-Пьер», что в районе Буа-де-Венсен. Кристиан, мой шофер, передаст вам инструкции по книге и объяснит, как будет обустроено наше пребывание в шале. Если согласитесь, я обо всем позабочусь, вы будете моими гостями. О передвижениях не беспокойтесь. Просто не забудьте взять немного теплых вещей – куртки, свитера, лыжные ботинки. Там, куда мы отправимся, будет очень холодно. Мы выезжаем через четыре дня – первого февраля, на месяц.

– Что? Через четыре дня? А... На месяц, говорите? Жена

и дочь поедут со мной? Но... бросить на целый месяц дом? А моя работа, а кошки? Нет, то есть... Подождите!

Дофр отпил абрикосового сока и ответил:

– Знаю, знаю, очень неожиданно. Но... зачем ждать? Ждать – значит терять время и деньги. И потом – ваша «работа» быстро окажется на последнем месте после всего, что я вам предложу.

Давид все более нервно теребил свой шрам:

– Можно, наверное, все иначе организовать! Я бы мог просто работать из дому!

– Послушайте, Давид, не волнуйтесь, считайте, что вы в отпуске. Это так сложно? Я просто хочу, чтобы вы были рядом, чтобы я мог видеть, как вы пишете, реагировать, жить каждым днем. Вибрировать под вашим пером. Знаете, я вам очень много заплачу за эту небольшую жертву, если можно говорить о жертве. А по возвращении я сделаю для вас все, что нужно. Главное, чтобы роман получился хорошим, но в этом я не сомневаюсь. Так что не упускайте свой шанс.

– Но... Книгу просто так не напишешь! Нужны документы, план, точные идеи! Ехать через четыре дня? У меня не получится собраться!

– Каким бы ни был ваш выбор, я приму его. Но постарайтесь поразмыслить. Я делаю вам предложение, от которого не отказываются, – деньги, а значит, и время писать без всяких препятствий... Ну ладно, отпускаю вас. Приходите сегодня вечером к пяти.

Давид уже вылезал из машины, когда Дофр в последний раз обратился к нему:

— Что же касается идей, у меня они уже есть. Я знаю, что вы любите научные загадки, так что мы займемся тайной чисел. Потому что, как вы знаете, вся правда скрывается в самом сердце цифр...

Машина медленно отъехала и скрылась в тумане.

Наваждение... Наваждение, и ничто иное. Старик с горящими, как угли, глазами. Напряженный. Обездвиженный. С блестящей в свете лампочки правой рукой. Артур Дофр...

Все еще взбудораженный, Давид застегнул куртку на все пуговицы, подхватил чемоданы и медленно двинулся вперед. Он улыбнулся, склоня голову, когда случайно увидел свое отражение в лобовом стекле какой-то машины. Четыре дня до отъезда! С ума можно сойти!

Конверт в кармане!

Он резко поставил чемоданы и судорожно разорвал конверт.

Фотографии, купюры. Одна, две, три... десять, пятнадцать! Пятнадцать купюр по сто евро! Больше, чем его зарплата за месяц. Он быстро сунул их в карман, ему стало не по себе, он огляделся по сторонам. Во всем этом не было никакой логики.

«...Я знаю, что вы любите научные загадки, так что мы займемся тайной чисел. Потому что, как вы знаете, вся правда скрывается в самом сердце цифр...» Что означает эта бе-

либерда?

Давид бросил взгляд на фотографии. На глянцевой бумаге развернулся грандиозный пейзаж. Горная гряда, чернеющий лес. И огромное шале, построенное вокруг огромного дерева.

Давид потрянул головой. «Эй, друг мой, хватит, раз мечтался! Эта жизнь не для тебя! Работа, дом, семья! Забыл уже?»

И тем не менее все это было реальным. О чем свидетельствовали деньги в кармане.

Быть может, сегодня утром ему наконец улыбнулась удача.

И у удачи было имя – Артур Дофр.

– Хватит тупить, Миллер! Давай быстрее! На кладбище не ждут! Еще двоих надо оприходовать, а время уже три!

Мадлин – директор похоронного бюро «Рок Эклер». Настоящий стервятник, нос крючком, делал на ритуальных услугах в северных парижских окраинах кучу денег.

– Что? Еще двоих? Я же предупреждал вас, что через час мне надо будет уйти! По личному делу. Когда у меня еще было два часа в запасе... Почему никто не сказал об этом раньше!

– Люди редко выбирают время собственной смерти. К вечеру они должны быть готовы! Чтоб были наряжены, как в день свадьбы! Ферштейн?

– Но меня могла бы подменить Жизель! Она...

Мадлин, не оборачиваясь, захлопнул за собой дверь лаборатории танатопрактиков.

«Старая галоша! – мелькнуло в голове Давида. – „К вечеру должны быть готовы...“ Может, еще вечеринку им организовать, чтобы порадовать тебя!»

Он сорвал с себя марлевую повязку и бросил на пол. Семь лет он без продыху вкалывал на «Рок Эклер», а случись так, что нужно уйти пораньше, – и вот тебе благодарность! Как специально! Скоро у него сдадут нервы.

Убедившись, что «стервятник» его не видит, Давид сел на

белый кафельный пол и обхватил голову руками. С самого утра телом он был здесь, а мыслями где-то там, среди деревьев, где никого нет, в шале, среди гор и ущелий. В сказочном мире.

Он слышал шум. Моргнул. Ничего страшного. Просто зажим упал, словно его смахнули со стола силы умерших. Так случалось часто, и это ничем нельзя было объяснить. В конце концов все привыкли.

Давид поднялся, нервно пригладил волосы. Он беспрестанно прокручивал в голове сцену в «БМВ». Никогда еще он не получал такого удивительного, настойчивого и, чего уж там, такого привлекательного предложения.

Как хорошо знал его этот человек из мяса и пластмассы? Что он понял о нем из его романа «От мертвецов»? Давид отлично запомнил, как выглядел старик. Лысый, элегантный, несмотря на ущербность. Обручального кольца на руке не было. Кто, интересно, помогает ему одеваться по утрам? Шофер, почти его ровесник? Как можно жить, когда у тебя осталась только левая рука? Плечевая мышца, бицепс, трицепс, квадратный пронатор, длинный сгибатель большого пальца кисти... Вот и все, что у него было. Последние винтики развалившегося механизма.

Сужающиеся зрачки. Сердце лаборатории. Скальпели, переливные трубки, антисептик. Конкретика. Слишком много конкретики. Перед ним на тележке-каталке лежит тело молодой женщины. Не больше двадцати пяти. Джинсы, свитер

и левая сторона лица в рвоте. Широко открытый рот, будто булыжник застрял. Когда ее нашли, она крепко держалась за ножку кровати. Пальцы на правой руке сведены судорогой, что говорило об ужасной смерти.

Она неудачно покончила с собой. И никто ее не умыл. Это было работой Давида.

Давид с отвращением перевел дыхание, запах формальдегида проник в самые легкие. Любого бы вырвало. Как можно привыкнуть к этой вони? Он коснулся синеватого металла каталки и скривился. Сейчас перед ним предстал его самый ярый враг.

Схожесть.

Это случалось по крайней мере раз в месяц. Горбинка носа, высокие скулы, какая-нибудь мелочь в облике покойных вдруг напоминала ему знакомые черты... отца, бабушки, соседей, друзей детства, школьных товарищей. И тогда ему казалось, что он вычищает собственную мать. Мать... Он встряхнул головой. Эта же девчонка, хоть и была более худой и меньше ростом и с чуть более выступающим подбородком, походила на Кэти. Эти глаза, ни зеленые, ни голубые, нос весь в веснушках, светлые локоны... Давид сжал кулаки. Описывать супругу с помощью трупа – дожили... Об *этом* он будет рассказывать Кларе, когда та начнет спрашивать его о работе? Об *этом* будет думать, обнимая свою вторую половинку?

Он раздел труп, сделал надрез и начал думать о другом.

О встрече.

Он пойдет туда, с разрешения Мадлина или без оного. Это слишком важно. Быть может, перед ним открываются двери в новое будущее. И ему больше никогда не придется смотреть смерти в лицо...

В трубках зашумела жидкость, аппарат выкачал темную кровь из вен и заполнил силиконовые трубки почти черной субстанцией.

Но в отношении предстоящей встречи Давид решил так. Ни на что не соглашаться, сохранять дистанцию. Просто пойти посмотреть... Он еще не втянул Кэти в эту историю. Она точно будет без ума от шале. Огромный камин, гигантский дуб, переросший сам дом, а вокруг нетронутая природа и дикие звери... Но все-таки она должна сначала согласиться на то, чтобы бросить все на месяц.

Стала похрипывать вентиляция. Простыня, закрывающая лицо молодой женщины, почти незаметно приподнялась и вновь опустилась на застывшие черты.

Вновь наступила тишина.

Давид чуть сдвинул простыню, не обнажая при этом лицо. Затем взял кривую иглу и автоматическими движениями принялся заштопывать рот.

Его начало знобить.

Давид продолжал думать о Дофре... о его желании все изменить, вырваться из своей оболочки, сбросить ненужное тело и возродиться на страницах романа. В конечном итоге —

мысль гениальная. Сколько предложит ему этот старик за то, чтобы он воплотил в жизнь его мечту?

Давид еще чуть шире приоткрыл простыню на лице трупа, снова увидел сходство с Кэти и закончил свою работу.

Теперь уже ничто не говорило о том, что эта женщина покончила с собой, рот ее более не был залит рвотой. В руках она сжимала фотографию своих родителей, так пожелали последние. Она мирно покоилась, тихо улыбаясь.

Танатопрактик подкатил каталку к стене. В металлических чашах бряцали расширители, в коридоре прокатилось эхо. Он выключил свет, и белый кафель лаборатории погрузился в мертвую тишину.

«Теперь отделаемся от двух оставшихся клиентов. Жизель...»

Жизель работала во второй лаборатории «Рок Эклер». На двери своей «супружеской опочивальни», как она называла этот кабинет, Жизель повесила табличку: «Я не волшебница, кто ко мне ногами вперед войдет, тот ногами вперед и выйдет. Но с улыбкой». У Жизели было специфическое чувство юмора.

С мертвыми она проводила времени больше, чем с живыми. Однако она не была некрофилкой, готом или там серийным убийцей, вернее, вроде бы не была... Но какая сила удерживала ее в этом месте? Вероятно, та же, которая заставляла ее играть с конструктором до шестнадцати лет... Теперь она тоже играла с конструктором, только уже «по-

взрослому».

Жизель ткнула в его сторону зондом:

– У кого-то проблемы с Мадлином! Я слышала, как этот старый придурок орал!

Она работала без маски, без перчаток, правила гигиены ее не касались. Радио тихо играло «Джонни и Мэри» Роберта Палмера. Давид подошел к ней:

– Возьми у меня двоих. Мне нужно уйти, это очень важно. Можешь помочь?

Жизель выдула из жвачки бесцветный пузырь – когда она не жевала, то клала жвачку в стакан с водой. Удивительная экономия.

– А что у них? Надеюсь, это парни?

– Сердечный приступ и рак легких. Один как новенький, другой... похуже.

Она быстро подсчитала время работы:

– Так... Если прибавить к тому, что у меня уже есть, с твоими я до ночи провожусь! Ладно, зайчик! Есть чем жажду утолить!

И подмигнула:

– Вези товар...

Давид застрял в пробке на кольцевой и уже опаздывал. Но к парковке у гостиницы «Сен-Пьер» в Венсене он подъехал почти вовремя. Фасад, богатая отделка, прекрасные машины. Высший класс.

Он вошел в холл, где его ожидал Кристиан, державший в своих лапищах свежий выпуск газеты «Монд». Кристиан поднялся и сделал Давиду знак следовать за ним в клубную комнату, где бизнесмены курили сигары. Он предложил одну Давиду, тот отказался. Потом положил ему руку на плечо и подтолкнул к темной нише вдали от нескромных взглядов. Давид заметил, что у того на правой руке не хватало указательного пальца.

– Послушайте...

– Можно просто – Кристиан...

– Послушайте, Кристиан. Я сомневался, приходить ли. Все это кажется мне слишком... Как бы... все это слишком неожиданно.

– Вы же пришли тем не менее...

Мужчина поднес спичку к сигаре и жадно затянулся.

– Хотите совет? – спросил он, чуть наклонившись к Давиду. – Вам следует согласиться на предложение господина Дофра. Он очень щедрый, он полностью спонсирует вашу книгу. Как я понял, это соответствует вашим желаниям.

– Конечно, конечно, но... мне бы хотелось еще подумать, хотелось бы побольше конкретики! Поставьте себя на мое место! Я его не знаю! Положение все-таки щекотливое!

– Совершенно верно, но когда выпадает удача, надо хватать ее за хвост.

Кристиан описал рукой дугу, лицо его постепенно таяло в облаке дыма.

– Этот мир мог бы однажды стать вашим... Свет, блеск... Достаточно один раз высунуть голову из своей ракушки, дерзнуть... Так что будьте благоразумны. Оставьте себе конверт, который вы получили от господина Дофра, живите настоящим и... – он запустил руку во внутренний карман пиджака, – и примите и это. Здесь дополнительный аванс к вашему вознаграждению за работу, а также инструкции от господина Дофра. Все детально прописано. Думаю, программа вам придется по душе...

Давиду хотелось тут же отказаться и уйти. Вместо этого он протянул руку:

– Заметьте, это не значит, что господин Дофр выиграл.

– Безусловно, – ответил, улыбаясь, Кристиан. – И кстати, не открывайте конверт сразу, сначала подумайте, обсудите все с супругой. Каким бы ни был ваш выбор, он будет правильным.

– Я хотел бы еще раз поговорить с вашим хозяином. Он остановился в этой гостинице?

– Нет-нет... Эта гостиница просто принадлежит ему.

– Ах... Просто принадлежит.

– Не желаете ли пропустить стаканчик?

Давид вежливо отказался, и Кристиан проводил его к выходу.

За рулем Давид то и дело поглядывал на конверт, который положил на переднее сиденье. Он выехал с парковки и остановил автомобиль чуть дальше. Больше он ждать не мог.

Он вскрыл конверт.

Деньги. Огромная сумма. В этот раз ему не удалось спокойно смотреть на веер купюр, которые он держал в руке. Четыре месяца зарплаты, а он еще даже строчки не написал. Пять тысяч евро...

«Невозможно... Я сплю, сплю, черт возьми!»

Он оглянулся и быстро засунул купюры обратно, потом вытащил письмо.

Сначала он просто просмотрел его, не вникая. Но когда он дошел до последней фразы, то медленно, сам того не желая, прочел: *«Палач-125»*.

Сердце гулко стукнуло. На лбу выступили капельки пота. Он погрузился в чтение.

Потом он перенесся далеко, очень далеко. Туда, куда их решил увезти Дофр. В Шварцвальд. «Легкие» Германии.

Он снова жадно пробежал глазами памятку, задумался... Прочитал еще раз, потом еще... Сон становился явью. Место, тема, вознаграждение. Все кристально ясно. Ему все нравилось. Но где же подвох?

«Нет подвоха... Вообще нет... Все реально. Ужасно богатый тип предлагает деньги, чтобы ты написал ему книгу, вот и все...»

Он должен воспользоваться выпавшей удачей, подарить себе возможность дышать, творить... Бесконечно писать на гениальную тему. И, кроме того, еще и деньги зарабаты-

вать...

Оставалось лишь убедить Кэти.

Он позвонил домой. Никого. Наверное, пошла в питомник...

Он в последний раз прочитал письмо и завел машину.

Палач-125.

Телодёр.

*Дорогой Давид Миллер,
если вы читаете эти слова, значит часть меня уже поселилась в вас. И я польщен таким обещающим началом.*

Кэти сняла очки и потерла глаза. Давид сидел на диване напротив. Клара играла в манеже, подбрасывала игрушечные фрукты и кричала.

– Слушай, сделай что-нибудь! Она с самого утра ведет себя ужасно! Может, займешься ею немного!

– Да, конечно. Прости, дорогая. Просто у меня был такой странный день.

– А о моем дне ты не думал? Ты со мной едва здороваешься, тебе наплевать, что я тебе рассказываю!.. А теперь суешь мне под нос это письмо! Ничего не понимаю! Что это?

– Сюрприз! Читай, увидишь!

– Сюрприз? Да ладно! Встань и обними дочку – вот это будет сюрприз!

Давид поднялся и направился к манежу:

– Как глазик?

– Что, не видно? Синяк как синяк, еще не сошел. Спроси что-нибудь поумнее.

Давид подхватил письмо, которое она кинула на пол:

– Да прочитай же, сама все поймешь!

– Письмо, письмо, письмо! Тебе вообще на все наплевать!

Она вздохнула. Он думал только о своих книгах и о том, как трупы зашивать. Может быть, надо сказать ему о беременности. «Кстати! Дорогой! Грег, помнишь такого? Так вот, мы переспали, пока ты ходил на свои встречи с читателями! Да, чуть не забыла... Я сегодня утром была в больнице. Видишь ли, я тут по уши в аборте. Кровотечение у меня, голова раскалывается. Так что, прошу тебя, хватит уже меня доставать!»

Она бросила на него испепеляющий взгляд и продолжила читать письмо.

Правила очень простые. Я прошу вас написать книгу, триллер, в котором я, Артур Дофр, сыграю главную роль. Да и конечно, лучше меня сделать помоложе, я дам вам старые фотографии, на которых я молод и красив, они вам понравятся, в этом я не сомневаюсь...

Она еще раз сняла очки, потерла виски и снова вернулась к чтению.

Это наше общее приключение, мы уедем на весь февраль, то есть на двадцать восемь дней. Куда? В великолепное шале, фотографии которого у вас имеются. Вот увидите, речь пойдет об удивительных декорациях недалеко от озера Вильд в самом сердце Шварцвальда. Я буду спутницей,

что же касается ваших супруги и ребенка, они, безусловно, также приглашены.

– Что это еще за история!

Давид посадил Клару обратно в манеж:

– У меня была точно такая же реакция. Наверное, я должен был начать иначе. Внимание, барабанная дробь!

Он вытащил из кармана пачки купюр и бросил на журнальный столик. Кэти осталась сидеть с открытым ртом.

– Но...

Она взвесила купюры на ладони:

– Давид?

– Всего-навсего на карманные расходы. Пять тысяч евро.

– Что?

– К которым надо добавить еще полторы, мне их утром дал Артур Дофр... Ерунда просто...

Кэти резко отдернула руку от денег:

– Так, объясни-ка мне все, и без шуток! Что это еще за бред?

Давид начал сначала. С утренней беседы в «БМВ». Потом рассказал о подарке в полторы тысячи евро. Потом о встрече в гостинице. О деньгах в конверте с инструкцией. Об отъезде через четыре дня.

Кэти старалась оставаться спокойной и продолжала смотреть на фотографии.

– С ума сойти...

– Знаю, знаю! Но ты на деньги взгляни!

Она тряхнула головой, пытаясь абстрагироваться от этого маленького состояния.

– Подожди, то есть ты хочешь сказать, что готов бросить работу и вот так запросто согласиться на предложение человека, которого вообще не знаешь? – Она придвинулась вплотную к его лицу. – Да ты с ума сошел?

Она поднялась и направилась к кухне. Давид последовал за ней:

– А почему нет? А? Почему?

– Тебе только о книге сказали, и ты сразу голову потерял! Забудь эту хрень, ладно?!

– А деньги как? Тоже хрень? Ты, наверное, не понимаешь! Черт! Мне шесть месяцев надо вкалывать, чтобы заработать эту сумму!

Давид перевел дыхание и продолжил:

– Просто уйду на месяц в отпуск за свой счет, ничего я не собираюсь бросать! Ты хоть понимаешь, что Дофр будет мне по три тысячи евро в день платить! Это двадцать тысяч во франках! Умножить на двадцать восемь! Только подумай!

– Я и думаю...

– Через месяц мы сможем выплатить почти весь кредит за дом, и перед нами откроются совершенно новые перспективы. Благодаря этому типу меня примут в литературную среду! Он обещал помочь мне. И тогда все изменится, ты же не можешь не признавать этого!

Она сделала вид, что не слушает, и вытащила из холодильника куриные ножки. Какая-то невероятная история. Но... но купюры были реальными. Шесть с половиной тысяч евро...

Кэти почувствовала, как руки Давида заскользили ей под свитер.

– Не надо... Клара же тут.

Давид жарко зашептал. Кэти напряглась.

– Уедем подальше от забот. На природу. Забудем об этой Мисс Хайд, о работе, о пособиях... Просто отвлечемся на время от бытовухи, развеемся. Чем не царские каникулы. Я построю для тебя шалаш в зарослях папоротника. Выберу лучшие ветви для самой лучшей женщины в мире.

Кэти вновь почувствовала в нем того «плохого парня», короткостриженого, с начинавшей пробиваться бородкой, в которого она когда-то влюбилась. Когда-то он именно этими словами позвал ее замуж. Она закрыла глаза. Почему он вспомнил об этом? Чтобы она сдалась? Чтобы завлечь ее? Давид начал гладить ее по животу. «Господи... Только не сейчас...» А если он догадывается? Кэти задержала дыхание. Сжала пальцами руку мужа. Она не могла. Не сегодня. И не завтра. И не послезавтра.

– Дорогой... Пожалуйста... Клара... Может прийти...

– Ничего не может... Представь себе, там в тишине у нас будет время подумать.

Кровь быстрее бежит по венам.

– О чем подумать?

Давид развернул жену к себе. Посмотрел ей в глаза.

«Прочти же мой обман, прочти...»

– Ты же прекрасно знаешь, – ответил он, ласково касаясь ее щеки. – О маленьком существе в твоём животе...

– Давид... Что... Я...

– О втором ребенке! Мы уже говорили об этом. А теперь у нас будут деньги! Куча денег! Уже ничто нам не помешает!

Она прижалась к нему. Не смотреть в глаза. Не сдаваться.

«Подумай о чем-нибудь отвратительном. Думай же! О сбитой собаке... О сбитой немецкой овчарке».

На глазах у нее навернулись слезы.

– Все так неожиданно.

– Это же не завтра, а через четыре дня! Мы ведь уже так делали, правда? Вперед к приключениям! Отдадим кошек твоей матери – и в путь! Помнишь, как ты раньше ездила с палаткой в рюкзаке! Мисс Плоскодонка в поисках неизведанного!

– Да, но раньше не было Клары! И хватит меня так называть, ненавижу это прозвище!

Мысли у нее сбились. Четыре дня... Суббота... Запись к врачу в больнице на послезавтра. Аборт... Нет!

– Я... я не знаю, что тебе ответить прямо сейчас. Давай отложим этот разговор пока, ладно?

Ужинали они практически в полной тишине. Помимо своей воли Кэти все думала об огромной сумме, которую они

могли скопить за такое короткое время. В субботу ехать в Шварцвальд... Аборт в четверг. Если она решит ехать, то не сможет сделать контрольное УЗИ через две недели... А вдруг что-то с абортом пойдет не так? Она постаралась успокоить себя. В девяносто восьми процентах случаев все проходило успешно. УЗИ вообще делать не обязательно. Нет, не обязательно, эмбрион отцепится сразу, с первой же попытки.

Она посмотрела на Давида. Он горел этой верой в будущее. Если сейчас она лишит его мечты, их браку конец.

– Мне нужно подумать еще чуть-чуть, – сказала она, беря его за руку. – Понимаешь? Поездка меня не волнует. Меня волнует вся эта странная история. Почему именно ты, можешь мне сказать? Почему столько денег? Почему такая спешка?

Он нежно погладил ей руку:

– Я уже думал обо всем этом. Ему удалось снять шале именно на февраль. Так он объясняет в письме. Деньги – это для нас обещанная сумма – целое состояние, для него же – сущая ерунда! Ты бы видела гостиницу, в которой у нас была назначена встреча! А он ее владелец...

– Но тебе не кажется, что это просто какое-то сумасшествие? А вдруг... А вдруг он тебе не заплатит? Мы к тому же даже адреса шале не знаем! Там есть рядом врач? А вдруг Клара заболит!

– Знаешь, Дофр инвалид, он старый человек, его супруга, наверное, тоже, так что врач там точно есть. Что же до

денег... В письме он пишет, что будет давать мне чеки на предъявителя. По чеку каждый день. Не знаю, что это такое, посмотрю в интернете.

Интернет... Модем сломан... Кэти затошнило.

– На это не надейся. Я пробовала выйти в интернет, ничего не получается.

– Что происходит? У тебя странный вид.

– Живот болит немного... Погода холодная, влажность, провозилась в питомнике долго...

Давид кивнул на пустую упаковку лексомила:

– Ты бы лучше не принимала эту гадость.

Она поднялась со стула и прилегла на диван:

– Уложишь Клару? У меня мигрень начинается.

Давид потрогал ей лоб:

– Температуры вроде бы нет. Отдыхай, я уложу малышку. Посмотри, что там с модемом, может быть, сломался. Ты пробовала подсоединиться по встроенному модему?

– Какому?

– В компьютере есть свой модем. Он не такой быстрый, но работает.

Давид подошел к манежу:

– Привет, Клара, давай лапку.

Кэти поднялась на локте и попросила:

– Перечитай мне конец письма. Я все думаю об этой твоей истории... Может быть, ты прав... Уехать подальше на несколько недель... Палатка и мокрые шмотки.

– И плечи обгорят!

Она чуть улыбнулась:

– Мы в последние дни не очень-то ладили, верно?

Давид кивнул. Он поцеловал ее в щеку.

– И такая удача только раз выпадает, – добавила она. – Ты... мы не должны ее упускать. Мы давно уже никуда не ездили отдыхать.

– Три года почти... Подожди, сейчас прочту. Так. Я пропущу кусок про эти чеки на предъявителя и что он сам займется организацией поездки... вот, значит, цитирую: «Инвентарь для того, чтобы написать книгу». Короче, он мне тяжелую артиллерию подгонит – компьютер, ксерокс, сканер... Так... Вот тут интересно – про будущий роман: «Вы должны будете писать десять страниц в день, которые будете отдавать мне на следующий день в полдень. Работать можете в любое время, главное, чтобы вы укладывались в сроки, указанные в контракте».

– Подожди-ка! Десять страниц? Но ты больше, чем две заразы, никогда не выдавал!

– Ну да, но это после десяти часов работы, когда я уже без сил. А если только писать, то десять страниц вполне можно осилить! Будем считать, что это такой вызов. Продолжаю, слушай внимательно: «Вам будут полезны ваши знания по криминалистике, энтомологии, оружию, а также ваша страсть к загадкам, поскольку вам нужно будет возродить и перенести в наше время образ того, чье имя до сих пор еще

приводит в ужас упоминающих его. Палача-125...»

Кэти обхватила колени руками:

– Палач-125? Это, случайно, не...

– Тсс! Подожди, подожди! «Рассказывать о нем не буду, потому что, если не ошибаюсь, вы прекрасно разбираетесь в серийных убийцах, даже если Палач-125 – не ваш, а скорее мой современник. Возродите его к жизни, сделайте так, чтобы он не покончил с собой, пусть он снова начнет убивать, и, самое главное, придумайте ему достойного соперника. Лучшую полицейскую ищейку. Без бога в душе, способного на все, настоящего хищника. Пусть он будет сумрачным, таинственным, но при этом привлекательным и обольстительным, как вы и как я, когда был молод... В остальном же я, естественно, полагаюсь на ваше воображение. Выжмите из вашего пера лучшее, на что вы способны. Не сомневаюсь, что наше райское место, где есть лишь деревья и тишина, вдохновит вас на это. Сердечно ваш, в надежде на скорую встречу и на самое скорое чтение. Артур Дофр».

Давид сложил листок и аккуратно опустил на стол:

– Ну что, что думаешь? Полицейский Артур Дофр против...

– Стоп! Ужас какой-то, а не сюжет. Странная тема для человека, который мечтает снова ходить. А почему не любовный роман или там приключенческий? Столько всего может быть! Зачем доставать из могилы этого жуткого... типа?

– Не знаю, может, Дофр всегда мечтал быть полицейским.

Но в одном он не ошибся. Я безумно хотел бы поработать над этой темой. Я кучу всего прочел о Палаче-125. Или сейчас, или никогда!

– Тема – просто блеск! Слушай, ну разве нет чего-нибудь повеселее?

Давид задумался:

– Пойду наберу «Артур Дофр» в интернете! Вернусь с вердиктом через пару минут.

Он бросился вверх по лестнице, на этот раз Кэти кинулась за ним, оставив Клару в манеже одну.

– Извини, я опять со своими вопросами. А почему такое безлюдное место? Почему не во Франции? У нас тут тоже есть леса!

– Хорошим писателям нужна мистическая обстановка, и Дофр это понимает, – пошутил Давид, настраивая запасное соединение. – Мне кажется, место идеальное. Представь только прогулки, пейзажи... Каникулы, ура! А что до старика, подожди, увидишь его. Это удивительный человек!

Послышались звуки подключения к интернету. Давид автоматически кликнул на почту. На значок письма... Посыпались сообщения.

– Отлично! Заработало. Но как же медленно!

Кэти едва сознание не потеряла. Все могло рухнуть. В одну минуту.

– От Мисс Хайд ничего, – удивился Давид.

Он немного помолчал.

– Ладно, тем лучше... Поищем информацию о Дофре.

Кэти чуть отстранилась и беззвучно перевела дыхание. Сейчас от Мисс Хайд исходила бóльшая, чем обычно, опасность... Если подумать, лучше бы им уехать сегодня, прямо сейчас!

– Слушай, странно, о нем вообще ничего нет.

Давид нахмурился. Богатый аноним? А почему бы и нет? Нemoщному Дофру лишняя реклама всяко была бы ни к чему.

Давид скрючился у экрана, прочесывая интернет. Чеки на предъявителя... Шварцвальд... Палач-125...

Кэти спустилась за Кларой вниз, девочку пора было укладывать спать.

– Тебе тоже хочется к папе, малышка моя, – зашептала она дочери. – Видишь, он ушел куда-то...

Муж будет до поздней ночи сидеть в интернете. Тем лучше. Можно ничего не придумывать, чтобы не заниматься любовью.

Артур Дофр толкнул дверь кончиками пальцев – он улыбался, и улыбка его еще больше подчеркивала глубокие морщины под темными глазами. Через три часа сюда, в самое сердце Шварцвальда, придут Миллеры – муж, жена и дочь. Он подъехал к окну, за которым снова шел снег. Скоро он завалит тропинки и дороги. И тогда шале превратится в маленький островок, отрезанный от мира и затерянный среди бесконечного леса.

Дофр нажал на рычаг, скрытый в левом подлокотнике инвалидного кресла, заработал моторчик, и кресло покатило лысого старика по коридору прямо в гостиную.

В центре этой большой комнаты, декорированной в мягких янтарных тонах, находилась диковинка – узловатый ствол, покрытый корой и застывшими потеками смолы; он мощно уходил в крышу, как будто хотел вырваться из дома наружу. Шале, тщательно утепленное и надежно изолированное от проникновения влажности, было построено вокруг трехсотлетнего красного дуба.

Дофр аккуратно объехал дерево, потом остановился около журнального столика и взял в руки стоявшую на нем вазу розового фарфора; он привез ее из Китая и никогда с ней не расставался. Он больше не двигался, положил вазу на колени и погрузился в воспоминания, потом подъехал к камину,

в котором потрескивали раскаленные дрова. Его обдало жаром. Он чувствовал себя хорошо.

На кресле слева от него лежали сотни листов и картонных карточек в разноцветных папках.

Досье «Совершенно секретно». О Палаче-125. Тайны истории. И его тайны.

Артур Дофр взял голубую папку на завязках, открыл ее и медленно опустил взгляд. Все эти снимки он помнил наизусть. Выражение агонии на лицах. Следы от веревок на руках. Светлые женские волосы, засунутые в широко открытые рты. Вытатуированные цифры черного цвета на голове детей, избежавших смерти. 101703... 101005... 98784... 98101... 98067... 97878... 97656... Эту загадку так никто и не разгадал.

Дофр посмотрел на последний снимок самого Палача, висящего на веревке.

Волоски на левой руке – он чувствовал их предсмертное шевеление. Он редко вздрагивал, но всякий раз, когда он смотрел на эту фотографию, ему будто нож в спину втыкали.

Придя в себя, он обнаружил, что судорожно вцепился в ручку кресла.

Пальцы его вдруг словно окаменели. Артрит. И будет только хуже, как сказал ему врач.

Он поднес ладонь к глазам и изо всех сил сжал пальцы в кулак, пальцы побелели, скрючились, как ястребиные когти. Боль была ужасной, но он выдержит. Болезнь его не прикон-

чит. Только не его.

Старик чуть ослабил узел галстука, на лбу выступили капельки пота. Он аккуратно сложил снимки и позвал:

– Аделина, персик мой! Иди сюда!

Аделина находилась у себя в комнате, она наглухо застегивала пуговицы на льняной жилетке. Вечером, как только они приехали, она развела огонь в камине, но, чтобы протопить такое помещение, требовался целый день.

Она бросила взгляд в окно. Снаружи – над огромными кронами деревьев – бушевала метель. Великолепное зрелище... и грустное...

Прежде чем присоединиться к Дофру, она решила проверить телефон – не оставил ли ей сообщения Сент-Озье. Нет сети! Еще бы – в этой глуши!

– А и черт с ним! – проворчала она.

Аделина бросила телефон на кровать. Что ей до Сент-Озье и ругательств, которыми он ее осыпал? Этот идиот уволит ее, как только она вернется, это точно. Ну и ладно, то есть ну и отлично. Она заработала достаточно денег, чтобы уйти и начать что-то более солидное. Открыть свой салон красоты...

Она порылась в шкафу и вытащила красное кимоно, которое недавно подарил ей богатый клиент. Сама Аделина на дух не переносила красный цвет. «Детская травма», – говорили врачи.

Потом она положила на дно чемодана чек на предъявителя, а чемодан спрятала в шкаф. Если так пойдет и дальше, то через месяц она разбогатеет.

Перед тем как выйти из своей комнаты, она последний раз осмотрела тяжеленный кейс, который стоял в углу, – ей с трудом удалось дотащить его от машины до шале. Кейс по горизонтали пересекал довольно большой навесной замок в форме буквы П с пятизначным кодом, похожий на те, что ставят от угона на колеса мотоциклов. Может быть, кроме всего прочего, Дофр хранил там свои книжки с чеками на предъявителя? «А старик отлично боится», – подумала она и толкнула дверь.

Она вышла в узкий коридор.

– Тебе холодно, персик мой? – прозвучал неожиданно вопрос.

Аделина подпрыгнула на месте и обернулась:

– Да, немного. Вы... Ты... Хочешь, одену что-нибудь другое? Короткое платье, например...

Дофр резко качнул головой:

– Мне именно такие женщины нравятся. Которые намекают, а не показывают. Я тебя еще и поэтому выбрал. Обещай, что ничего не будешь менять, что будешь вести себя так, как вела бы себя дома.

Аделина кивнула.

– Может, хочешь перекусить? – спросила она, не зная, как

поменять тему.

– Говорят, ты отлично готовишь. Приготовь мне плотный ужин. Провизия – в кладовке за кухней. Выбор за тобой, это может быть что угодно, кроме мяса с кровью, ненавижу его.

Дофр погладил ее по руке и, не сводя взгляда темных глаз со своей спутницы, закатил инвалидное кресло в комнату Миллеров, расположенную напротив спальни Аделины. Дверь за ним захлопнулась, а затем щелкнул замок.

Аделина словно застыла на месте. Странная манера вести себя для типа из этого социального класса, хотя она ко всему уже привыкла, конечно. К лунатикам, к капризным и требовательным клиентам – с таких она и кормилась...

Идя по коридору, она поморщилась. Что за вонь от этих антисептиков! Она хотела было открыть одну из боковых дверей, чтобы посмотреть, откуда так воняет, но не смогла. Закрыта на ключ...

Теперь в гостиную. Что за тишина! А она и не подумала взять с собой проигрыватель. Ей тридцать, и она тут наедине со старым инвалидом, за пятьсот километров от дома. По сравнению с этим местом дом престарелых, в котором проживала ее бабушка, – прямо-таки развеселый карнавал...

Аделина подложила дров в огонь и немного постояла перед камином, протягивая руки к теплу. Месяц... Целый месяц ходить за дровами, разжигать огонь, готовить, исполнять любые капризы клиента... Этот месяц может показаться вечностью. К счастью, Артур Дофр не производил впечатления

любителя побаловаться наручниками и хлыстом, он же инвалид, не до того ему. Хотя... На всякий случай она все же прихватила с собой кое-что из своего рабочего чемоданчика. Пару стальных браслетов и небольшой несессер для первой брачной ночи. В конце концов, она была просто обязана выполнять и *такие* требования.

Аделина подняла голову, и ее взгляд остановился на ружье, висевшем над камином. Винтовке «Weatherby Mark». Она подошла и положила палец на курок. Испачкалась пороховом, поднесла ладонь к носу и понюхала. Оружием недавно пользовались. Странно, решила она, ведь речь шла о серьезном оружии с оптическим прицелом, предназначенном для охоты на слона или носорога, таким можно каменную стену прострелить. Разве здесь водятся такие крупные животные? Вероятно, предыдущие хозяева были охотниками.

Молодая женщина вытерла пальцы, отвернулась от ружья и постаралась избавиться от запаха пороха.

Вдруг она сипло задышала, бронхи свел спазм. Как будто через соломинку дышишь. Аделина судорожно выхватила из кармана жилетки аэрозольный ингалятор и сделала мощный вдох. Бронхолитик. Освобождение. Она быстро оглянулась и спрятала маленький баллончик.

По пути на кухню она ненадолго задержалась у входной двери. Вспомнила, как удивилась, когда впервые увидела ее толщину. Ей едва удалось открыть ее! На двери был закреплен огромный засов. Старик закрыл дверь на ключ. Зачем

столько замков, на всех окнах, в комнатах? Воров боятся? Нужно очень захотеть тут что-нибудь украсть, у черта на куличках! Хотя... Одних чеков на предъявителя тут хватит на...

Аделине было не по себе. На самом деле, ведь никто из ее знакомых не знал точно, где она находится. Почему она доверилась этому человеку? Потому что он инвалид и на первый взгляд не опасен? «Ты прямо талант попадать в разные истории», – с сожалением подумала она.

Кое-что ее особенно тревожило с самого начала. Мелочи, которые Дофр, казалось, знал о ней. Вероятно, он ознакомился с ее личным делом в агентстве. Но как он узнал, где она живет? Как ему удалось обойти матерого Сент-Озье и снять ее без его посредничества?

И самое главное: зачем это ему, богачу с кучей денег?

Давид не отрывал взгляда от окна мощного джипа, разве чтобы что-нибудь записать. Действием романа он сделает Шварцвальд, решено. Палач-125 будет действовать в Германии. В лесу, большом, сказочном, загадочном, как раз для триллера... Идеально... Он уже представлял крики, которых никто не слышит, долгую погоню холодной зимой, бегство жертвы, единственным выходом для которой было бы броситься в пропасть. В общем, его переполняли идеи, пока их маленькое семейство и шофер в белых перчатках углублялись в густой лесной лабиринт. После Баден-Бадена, а затем и Хильперстау дорога начала петлять, делалась все незаметнее, пропадала в долинах и закончилась на Кальтенброннском перевале. За ним они увидели еще только несколько пустующих ферм и домиков для отдыха, и все. Деревья, повсюду сплошные деревья. Давида восхитило зрелище этого леса, густого, мощного и одновременно уютного. В некоторых местах сквозь кроны деревьев пробивались лишь отдельные золотистые капли солнца, и казалось, что тут, внизу, царит своя особенная ночь.

Теперь колеса джипа взрывали снежный настил. Давида удивило такое количество снега. Он наклонился к приборной доске и посмотрел на термометр. Плюс один, а всего пятнадцать минут назад было на десять градусов меньше! «На-

верное, свой микроклимат, — подумал он, — из-за рельефа, а может, из-за большого количества деревьев». Он сделал запись в блокноте и посмотрел на навигатор. Судя по всему, они скоро приедут...

Впереди появилась крошечная опушка леса, а на ней уже и шале: его крыша была покрыта снегом, сверкающим в лучах заходящего солнца. Дом выглядел значительно больше, чем казался на фотографиях. Слегка обструганные бревна являлись словно продолжением самого леса.

Кэти подняла голову, она сидела на заднем сиденье и жадно смотрела в окно. Величественный дуб, который поднимался над крышей, рос будто из самого дома. Окна же на фасаде были чуть закругленными и походили на большие любопытные глаза.

— Как можно построить дом вокруг такой махины? Видел, какое оно высокое? А какие ветки толстые?

Давид обернулся к жене:

— Ну и как первые впечатления? Ты ожидала чего-то подобного?

— Не совсем, все такое... такое большое. Деревья эти, шале, лес... Тишина... Думаю, мне понравится... Когда тошнота чуть пройдет...

Кристиан припарковал машину рядом с другим джипом. Клара постепенно просыпалась, шофер заглушил двигатель. Даже в полусонном состоянии малышка потянулась за соской. Давид крепко обнял ее и поцеловал в шейку.

– Если ты счастлив, я тоже счастлива, – доверительно сказала ему Кэти и открыла дверцу. – Ты правильно сделал, что принял это предложение. Ты не пожалеешь...

Клара заерзала на месте:

– Шнег... Шнег! Шнег! Шнег!

Давид вытащил ее из детского кресла. Малышка попыталась побежать, но тут же провалилась по колено в сугроб и нашла колышек с красным шаром на конце, похожим на нос клоуна.

– Уря, клоун! – закричала она.

– Смотри, как Клара рада! – сказал Давид, выйдя из машины.

Он слепил большой снежок и бросил в жену.

– Ну хватит! Мне нехорошо... Меня всю дорогу мутило, так что...

Давид подошел поближе, в руке он держал еще один снежок и собирался бросить его.

– Сколько раз повторять? Хватит, ясно тебе!

Давид сразу погрузтел.

– Господи, да что с тобой такое? – прошептал он и бросил снежок в ствол дерева. – Раньше ты сама начинала играть в снежки!

– Что со мной такое? Тебе сказать, что со мной такое?

Раздался низкий властный голос, положивший конец их ссоре:

– Ребенок! Быстро за ребенком! Скорее! Пока она не до-

бралась до кола!

Дофр орал, выкатившись на крыльцо, тыча пальцем в сторону Клары. Малышка довольно быстро пробиралась к колышку, несмотря на снег, который ее облепил. Какой веселый нос у клоуна! И там еще носы! Десятки носов! Клоун-клоун, ее новый клоун! Лучше, чем в любом цирке!

Кэти не могла двинуться с места.

Ребенок подбежал к колышку и уже протягивал к нему руки.

Вдруг ноги ее резко оторвались от земли. Клара заорала.

Это Давид поднял девочку в воздух и понес обратно, тяжело дыша. Он в недоумении посмотрел на Кэти. Вместе они подошли к Дофру, тот молчал и выглядел смущенным. Старик тепло поздоровался с ними, Кристиан доставал из машины чемоданы. Потом Дофр посмотрел на Клару, та еще всхлипывала, а затем указал на колышки.

– Простите за резкость. Но эти двадцать девять столбиков вокруг шале обозначают места капканов на волка, и ваш ребенок мог угодить в один из них. Кристиану следовало бы вас предупредить, конечно.

– Кристиан не виноват, – ответил Давид. – Мы сами повели себя крайне неосторожно.

– Капканы на волка? – повторила Кэти.

Артур Дофр откатился, освобождая проход в дом:

– Да. В окрестностях бродят рыси. Приходят с севера. Недавно видели несколько. Днем они не представляют опас-

ности, они даже боязливы, но ночью превращаются в настоящих охотников. После захода солнца из дома лучше не выходить, на всякий случай. И главное – не приближайтесь к ловушкам, потому что их присыпал снег. Они везде. Перед домом, за домом, на боковой тропинке, которая ведет к пленнице, тоже.

– Рыси... Начало неплохое, – пошутила Кэти, уставившись на тонкий силуэт человека, склонившегося над каминном.

Аделина поставила на место кочергу и вытерла руки тряпкой, прежде чем поздороваться с Миллерами.

– Аделина. Моя милая спутница, которая будет с нами на протяжении всего нашего великого литературного приключения, – представил женщину Дофра.

Кэти пригладила волосы и натянуто улыбнулась. Вот, значит, какая из себя «старая супруга» Дофра? «Милая спутница»? Что значит «милая спутница»? На проститутку, правда, не похожа. Скорее даже наоборот. Чуть смутившаяся рыжеволосая девчонка, прямо как героиня «Маленького домика в прериях»³. Ужасно миленькая, с пронзительными голубыми глазами, грациозная до умопомрачения. Опасность, значит, не только снаружи дома. Кэти обняла Давида и прижалась к

³ «Маленький домик в прериях» – американский телесериал о семье американских первопроходцев, путешествующих по еще неизведанной земле, транслировался на телеканале NBC на протяжении девяти сезонов, с 1974 по 1983 год. Основное внимание в сериале уделялось темам семейных ценностей, любви, дружбы и веры.

нему. Голос Доффа отвлек ее от размышлений.

– Добро пожаловать! Аделина проводит вас в вашу комнату, устраивайтесь. Не хотите ли перекусить?

– Нет, спасибо, – ответил Давид. – Мы можем подождать до ужина, мы немного перекусили по дороге сюда.

Дофр забряцал связкой ключей:

– Отлично. Тогда я покажу вам дом, а позже вы сможете немного отдохнуть, если пожелаете. Аделина, проводи наших гостей в их комнату, хорошо?

Длинный коридор с красным ковром. Общие туалет и ванная. Сразу за ними в нос ударил запах какого-то антисептика, больничный ад – Кэти поморщилась. Запах шел из запертой на ключ комнаты; за ней, дальше по коридору, находились еще две спальни – в глубине и справа.

– Прошу вас, – сказала Аделина и распахнула дверь в комнату, отведенную для Кэти и Давида.

– Спасибо, – ответил Давид, вежливо улыбнувшись.

Прежде чем войти в их спальню, Кэти обернулась и проводила рыжеволосую девушку взглядом:

– Ей обязательно так задницей вертеть?!

– Ох, слушай! Не начинай...

– Мы могли вдвоем побыть, ан нет... Теперь эта девица...

Вечно что-нибудь идет не так.

– Надеюсь, ты хоть раз не будешь ревновать.

Давид опустил Клару на пол, поставил рядом рюкзак и с облегчением вздохнул. Потом растянулся на кровати. Ма-

лышка забралась к нему, радостно угукая.

– Ну! Комната супер, да?

Кэти осмотрелась. Вагонка, паркет, балки. Теплые тона. Милое гнездышко в самом центре леса.

– Да, симпатичная. Немного простецкая, конечно... Зато большая...

– И кровать вроде не очень скрипит!

Кэти подошла к окну, пожимая плечами. Уже наступали сумерки. Четыре часа вечера...

– Даже тут колышки с красными шарами. Странно все-таки... Не знала, что в Германии есть рыси.

Она обернулась к Давиду:

– Дай фотографии?

– Зачем?

– Дай, и всё!

Давид порылся в кармане сумки, вытащил снимки и протянул их Кэти. Та внимательно посмотрела на них и повернулась к окну:

– Я так и думала... Никаких капканов на волка!

– Может, тогда не было рысей. Наверное, они только зимой появляются, он же сказал, что они пришли с севера.

Кэти нахмурилась:

– И... Да... вот! Когда мы приехали, мне показалось, что что-то не так, только я не поняла сразу, что именно.

– И что? – вздохнул Давид.

– Окна на фасаде!

– И?

– Окна! Без ставен! А на фотографиях они со ставнями!

Кэти попыталась открыть окно, оно не поддалось. Она прижалась носом к стеклу:

– И в этой комнате тоже, кажется. Ставней нет.

– Может быть, их сняли, чтобы покрасить, например, или подновить? А может, этим фотографиям несколько лет? Откуда мне знать! Ладно. Пошли в гостиную?

Кэти постучала по стеклу. Органическое стекло.

– Идите с Кларой... – ответила она. – Я спущусь попозже. Лицо только ополосну...

Через минуту она уже закрылась в ванной и спустила джинсы. Вид обильных кровавых выделений привел ее в ужас. Она вытерлась, взяла белую таблетку экзацила⁴, приняла ее, не запивая, и засунула коробочку поглубже в карман. Надо получше спрятать таблетки или выкинуть упаковку.

Если Давид их найдет... таблетки от кровотечения... то сразу все поймет.

Но она взяла себя в руки. Кроме крови – если ему захочется заняться любовью, она просто скажет, что у нее месячные, – никаких других побочных явлений, помимо тошноты во время поездки, не наблюдалось. Три дня назад все прошло хорошо, безболезненно, и врачам даже удалось по-

⁴ *Экзацил* – лекарственное средство, которое применяют для лечения или предотвращения чрезмерной потери крови от травмы, хирургического вмешательства, тяжелых менструальных кровотечений.

добрать нужные слова, чтобы успокоить ее.

Ей бы сейчас чувствовать себя бодрее, лучше. Но аборт дела не решал. Она ведь просто изменила мужу.

Кэти пристально посмотрела на себя в зеркало. Мужчины ждали ее в гостиной у дуба. Аделина, сидя в кожаном кресле, не сводила глаз с Клары.

– Господин Дофр рассказал мне, что этому дубу по меньшей мере триста пятьдесят лет, – сказал Давид, обращаясь к жене. – Представляешь? Триста пятьдесят лет!

– Это красный дуб, посажен человеком, – добавил Дофр, – в те времена в Шварцвальде еще жили ткачи, бондари и часовых дел мастера. Построить шале вокруг дуба было в некотором роде данью уважения к их труду. И непростым вызовом для архитектора.

Кэти скользнула взглядом по стволу вверх:

– А там что?

Артур чуть присвистнул.

– А вы наблюдательны! Это надписи, их вырезали в древесине и залили расплавленным серебром. Чтобы они никогда не исчезли. Там написано: «Oktober 1703».

– А что это означает?

– Чтобы понять надпись, надо углубиться в историю здешних мест, – сказал он загадочно. – Во времена ведьм, заговоров и тайных братств. Но тсс! Об этом мы поговорим позже...

– А откуда известно, что дерево посадили именно люди? –

поинтересовалась Аделина, вытягивая свои длинные ноги в облегающих джинсах.

– Дело в том, что тут не растут красные дубы, зато очень распространены ели с темно-зелеными иголками, поэтому край и называется Шварцвальдом⁵. Этот дуб – единственный в своем роде.

– Хорошо, но почему его посадили именно здесь, тут же ничего не было?

– Не совсем так... Его посадили... подальше от людей, скажем так...

Он хлопнул ладонью по ручке кресла:

– А теперь посмотрим дом! Возьмите с собой малышку, у меня для нее небольшой сюрприз!

В некоторых местах кора дуба вздыбилась, образовав отвратительные наросты. Кэти потрогала ствол кончиками пальцев и резко отдернула руку. Дерево было ледяным.

Дофр проводил их в коридор. Аделина осталась в гостиной в компании Кристиана.

– Нет ничего хуже для инвалидных колясок, чем прямые углы, – проворчал Дофр, въезжая в коридор.

– Вам помочь? – предложил Давид.

– Никто никогда не катил и не будет катить мое кресло, – неожиданно резко и холодно ответил Дофр.

Миллеры обменялись коротким взглядом. В конце коридора Дофр вставил ключ в огромный замок и открыл дверь

⁵ Черный лес (нем.).

в глухую кладовку, отделанную шифером. Из нее выкатился розовый шарик. Поросенок пронесся мимо остолбеневшего Давида, а Кэти наклонилась и попыталась поймать его. Клара кинулась к животному.

– Это Гринч⁶, – весело сказал Дофр, наслаждаясь радостью Клары.

Он сделал вид, что у него под глазом синяк.

– Они с вашей дочкой как будто созданы друг для друга... Может, это знак?

– Клара просто неудачно упала, – быстро ответила Кэти, садясь на корточки рядом с поросенком, который не переставал похрюкивать.

Дофр улыбнулся:

– Вернемся к нашему дорогому Гринчу. Он совсем малыш и весит всего пять килограммов. Прежние арендаторы попросили нас позаботиться о нем. Кормить, то есть... Но я смотрю, вы ему понравились, Кэти!

– У нее с животными настоящая любовь, – подтвердил Давид. – Если бы я каждый раз ее слушал, у нас дома был бы настоящий зоопарк!

– Можно его иногда выпускать? – спросила Кэти, не поднимая глаз. – Кларе будет весело...

⁶ В оригинале игра слов: имя поросенка Grin'ch переводится как «ворчун», является одновременно сокращением от имени Grincheux (Ворчун) одного из гномов из сказки «Белоснежка и семь гномов» и полным именем персонажа из анимационного фильма, основанного на книге Доктора Сьюза «Как Гринч Рождество украл» (1957).

– Я не против, – ответил Дофр. – Но не очень привязывайтесь к нему. Гринч не наш, и, может быть, его скоро заберут...

– У меня вопрос... Что он тут забыл, в Шварцвальде? – спросил Давид.

– Скоро узнаете...

Дофр сделал знак Кэти, чтобы она загнала Гринча обратно в кладовку. Клара немного покапризничала, а потом они пошли обратно по коридору.

– Прошу прощения за неприятный запах, но у нас не было времени проветрить шале, – объяснял старик, отпирая следующую дверь. – А прежние арендаторы о нашем комфорте не особенно думали.

– Зачем им понадобился весь этот антисептик? – спросил Давид.

– *Calliphora vicina*, *Hydrotaea pilipes* – вам это о чем-нибудь говорит?

– Мухи, кажется...

– Отлично! Хозяева этого дома – энтомологи...

– Энто-что? – переспросила Кэти.

– Энтомологи. Специалисты по насекомым, – объяснил Давид.

Чуть скрипнули дверные петли.

Кэти отпрянула, настолько сильным стал запах.

Они вошли в комнату, следуя за Дофром, тот уже включал свет.

Кэти не могла поверить собственным глазам.

Мухи были повсюду. Сотни ярко-зеленых мух размером с крупную бусину были нанизаны на булавки и пришпилены к картонкам. К зелени их брюшек добавились рубиновый и аметистовый цвета крыльев бабочек, янтарный цвет пробирок и прозрачные лупы, линзы для микроскопа и объективы фотоаппаратов.

Лаборатория. Они попали в настоящую лабораторию.

Она повернулась к Давиду, который держал за руку Клару. Так они постояли немного, не проронив ни слова, Кэти мутило, Давид был заинтригован. Затем Дофр объявил:

– Именно здесь вы будете проводить большую часть времени. Давид, вот ваши рабочие инструменты...

Он указал на пишущую машинку и две пачки бумаги. А вокруг лежали скальпели, высушенные личинки, срезы тканей в стеклышках. Лампочка без плафона тускло освещала помещение.

– Здесь? – вздрогнула Кэти.

– Пишущая машинка? – Давид не верил собственным глазам. – Но как же? Я привык вносить исправления, возвращаться к написанному! Я не умею работать на машинке! У меня уйдет на написание книги уйма времени!

Дофр чуть покачал головой:

– Нет-нет... Буквы обладают определенной силой, их нельзя просто так печатать. Когда будете нажимать клавиши, то сами к этому придете... Уверен, что ваш текст от этого

только выиграет. К тому же исправления – это, в общем, не проблема... Главное – интрига. Согласны со мной?

– Да, да... конечно.

Моторчик в инвалидном кресле снова запищал, и в этот раз Дофр направился к большому куску материи черного цвета, которая закрывала окно в глубине лаборатории. Справа от окна на полочке лежала коробка с патронами.

– Помните, я говорил вам об особенной обстановке, Давид? О месте, которое даст пищу вашему воображению. В котором вы по-настоящему проявите свои способности... Подойдите, прошу вас...

Давид почувствовал в руке вспотевшую ладонь Кэти. Клара вернулась обратно в коридор, воспользовавшись тем, что родители перестали за ней следить.

– Я... помню, – ответил Давид и приблизился к окну. Кэти не отставала ни на шаг.

– Что он еще придумал? – шепнула она мужу на ухо. – Ты знал про лабораторию?

Давид незаметно покачал головой.

Дофр схватился за черную материю.

– По правде говоря, вы находитесь не совсем в шале, – доверительно сказал он.

– То есть?

– Разрешите представить вам «Toten Bauernhof»... «Ферму тел»...⁷

⁷ «Ферма тел», или «ферма трупов», – научно-исследовательское учреждение,

Он резко сдернул ткань.

Давид скривился от отвращения.

К горлу Кэти подступила тошнота.

Внизу под елями в последних лучах заходящего солнца...

Кэти никогда не видела более ужасного зрелища.

где изучается разложение человеческого тела в различных условиях. Эти исследования в том числе помогают судебным медикам и антропологам получать более точную информацию в ходе раскрытия преступлений. Мнения общественности об этической составляющей подобных исследований расходятся.

Комната заходила ходуном. Кэти едва успела добежать до ванной. Ее вытошнило желчью.

Давид остался в лаборатории. Он сверлил Дофра взглядом. И не выдержал:

– Господи! Что это за игры? Вы... Вы совсем больной?

– Наука, – ответил Дофр. – Только наука. Природа сама создала эти ужасы. Природа, не человек...

Снаружи солнце золотило шесть свиных туш, подвешенных за задние ноги в двух метрах над землей, в разной степени разложения. Некоторые только-только начинали гнить. От других остались одни ошметки, кожу пробили собственные кости. Туши были облеплены белыми личинками и червями.

Висячее кладбище.

Кэти вернулась в комнату. Она была мертвенно-бледна.

– Но... зачем все это? Вы... вы отвратительны!

Дофр чуть съехался в кресле.

Кэти вцепилась мужу в рукав, лицо ее исказила гримаса.

– Мы... Мы уезжаем! Прямо сейчас! Как... Как можно...

– Мне искренне жаль, – сказал Дофр. – Я не предполагал, что это так на вас подействует. Речь идет исключительно о научной программе, целью которой – единственной целью – является спасение жизней... Человеческих жизней...

– Какая разница! – подал голос Давид. – Вам следовало предупредить нас! Такое зрелище не каждый выдержит! Понимаете?

Дофр попытался приладить назад материю, но ему не удалось. Тогда он бросил ее на пол.

– Но ни вашей супруге, ни вашей дочери смотреть на это зрелище не придется! Туши видно только из лаборатории, из моей комнаты и еще из одной – пустующей, которая находится рядом. Я просто хотел поставить вас в известность, вот и все!

Он посмотрел на Кэти:

– Признаюсь, я опасался, что вы откажетесь приехать из-за этой мелочи... Но... прошу прощения...

– *Мелочи!* Как же!

Давид попытался обнять Кэти, чтобы немного успокоить, но та его оттолкнула и, вне себя, выскочила в коридор.

– Клара! Клара!

Давид обернулся к старику:

– Объяснитесь! Ничего не понимаю!

– Энтомологи-криминалисты, Давид! Восемь последовательных групп насекомых, которые сменяют друг друга на трупах животных в зависимости от степени разложения плоти. Влияние температуры, влажности, окружающей флоры на скорость гниения! Уникальная возможность научиться с потрясающей точностью определять день и час смерти!

– Я все это знаю! Но я не думал, что... что подобные опы-

ты ставят на свиньях! Что их вот так оставляют висеть!

– Как вы верно заметили – это всего лишь свиньи! Вы знаете, что так же делают в штате Теннесси. Только там... там используют тела людей, которые завещали себя науке... Их оставляют на волю времени, жары и червей... Они десятками лежат на деревянных досках на ферме, очень похожей на эту... Скажем так, в нашем случае все менее драматично... Но не менее интересно...

Дофр приблизился и схватил Давида за локоть:

– Мне нужен ваш текст, Давид. Придумайте для меня историю... Не уезжайте... Это место вас точно вдохновит! Скажите, что я в вас не ошибся, когда доверился вам! Скажите, Давид!

Сейчас старик казался сломленным. В чистейшем костюме, обезноженный, с протезом в перчатке вместо правой руки, который еще больше подчеркивал его беспомощность, он почти вызывал жалость.

Давид еще раз посмотрел в окно. Энтомологи... Спасение жизней... Вдохновляющая обстановка... Дофр думал, что все делает правильно...

– Кэти будет сложно убедить, – пробормотал он.

– Знаю, знаю! Но я уверен, она поймет! К тому же вы не сможете уехать прямо сейчас. Снег, ночь. Дороги, скорее всего, скользкие, надо быть сумасшедшим, чтобы куда-то ехать! Попробуйте... убедить ее, прошу вас... Подумайте о деньгах...

Давид услышал резкие голоса, доносившееся из гостиной. Женские голоса. Говорили на повышенных тонах...

– Постараюсь, – ответил он. – Но прошу вас, больше никаких сюрпризов. Думаю, Кэти больше не вынесет...

«Ферма тел». Кэти вздрагивала уже от одного названия. В одиночестве она стояла у окна выделенной им комнаты и куталась в свитер. После ужина под предлогом усталости она быстро поднялась к себе, надеясь, что Давид последует за ней. Она ждала его уже час.

Лес погрузился в непроглядную темноту. Кэти нервно потерла руки. Электрическая батарея еле-еле обогревала комнату, а эта Аделина принесла на ночь мало дров. Естественно, никто не осмелился пойти к поленнице за фермой. Рыси – ночные хищники... Шварцвальд не просто так получил свое название...

Она убедила себя, что, решив остаться, сделала верный выбор. Ехать назад сейчас, по такой погоде и в такой темноте, было бы настоящим самоубийством. И потом – разбить мечту мужа только из-за этих насекомых... В конце концов, Давид прав. То, что шале находилось далеко от любого жилья, за многие-многие километры, можно было объяснить этими самыми свиньями. Надо просто о них забыть. Хотя это и не просто...

– Наконец-то, – сказала она Давиду, когда тот переступил порог.

Она бросила взгляд на шкаф из ели, в котором тщательно спрятала коробку с экзацилом, засунув ее подальше к стене.

– Честно говоря, ты могла бы сдержаться за ужином. А не сразу вот так уходить... Ладно, я просто зашел пожелать тебе спокойной ночи: через десять минут Артур ждет меня в лаборатории. Думаю, будем наконец роман обсуждать.

Он забрал соску у Клары, та спала в кровати, сжав кулачки.

– Не сердись, – смягчилась Кэти. – Я не взяла с собой лексомил, чтобы постепенно снижать дозу... Вот я и нервничаю. Завтра мне будет лучше. Надо просто привыкнуть к этому месту и к этой странной паре...

– Почему же странной? Богатые типчики частенько заказывают себе девушек из эскорта для сопровождения в путешествиях. И часто они на них же и женятся, если уж на то пошло!

– Не сомневаюсь! Я не совсем об этом... Ну вот, например, эта девица... Она все время пялилась на нашу дочь и за целый вечер ни слова не сказала... Кто она? Откуда? Мы же ничего о ней не знаем. Иногда она выкает, а потом раз – и тыкает. То милая, то вдруг неприятная... Уж не знаю, где ее взял Дофр, но, во-первых, у нее явно проблемы с детьми, а во-вторых, мне она не очень нравится.

– Женщины, которые находятся со мной в одной комнате, вообще редко тебе нравятся. А мне она показалась простой, очень открытой.

– Открытой, значит... Доступной, да? Ты это имеешь в виду?

– Хватит, прошу тебя...

– Хотя, судя по реакции, он ее тоже не предупредил о свиньях!

Кэти прошла по комнате:

– Значит, ты каждый день будешь считать личинки на этих тушах? Мы так не договаривались! Мало того что это противно, так еще и до жути увлекательно! Хотя ты привык, скажи.

– А кто будет считать? Ты? Аделина? Кристиан? Он завтра уезжает. Дофр смог снять эту ферму, потому что финансирует исследования такого рода, ему просто нужен был специалист, который бы этим занимался. Я и есть специалист! Этим, вероятно, и объясняется, почему он меня выбрал. Специалист по смерти, еще и писатель к тому же... Между прочим, я считаю, что вкладываться в подобные вещи очень достойно. Это серьезные исследования, понимаешь. Они реально двигают криминологию вперед.

– Да, да, естественно, но...

– Забудь о свиньях. Они в другой стороне, за деревьями. Ни ты, ни Клара их не увидите. Холод стоит такой, что никакого запаха вы не почувствуете.

Кэти скрестила руки на груди:

– Я согласилась приехать сюда из-за тебя, ради того, чтобы дать нам шанс. Я думала, что если ты бросишь на время свою мрачную профессию, то тебе это пойдет на пользу... А оказалось вот как...

Она повернулась к нему и поцеловала в нос:

– Надеюсь, по крайней мере, что у тебя найдется время, чтобы побыть с дочкой и женой, чтобы подышать настоящим воздухом, а не только гнилью.

Давид кивнул и посмотрел на часы:

– Обещаю, муза моя. Я... я пойду, меня ждут...

– Не забудь, если не сдержишь обещания...

– Ты мне больше не подружка, я те больше не дружок.

Забирай свои игрушки и не писай в мой горшок!

Он уже ступил за порог, когда она обняла его, втянула обратно и зашептала:

– Только недолго, уже за полночь. Я буду ждать тебя, ты мне нужен, договорились?

Он поцеловал ее в губы:

– Недолго.

– И спроси, пожалуйста, есть ли у него ключ от двери. Не знаю, смогу ли уснуть с незапертой дверью.

– Боишься, что Дофр приставать будет? – ответил с улыбкой Давид.

Он зашагал по коридору. Несмотря на красный ковер, пол скрипел под ногами. Прежде чем пройти в лабораторию, он заглянул в гостиную.

– Спокойной ночи... – сказал Давид, махнув Аделине рукой.

Та сидела перед камином в позе лотоса. На ней было черное шелковое кимоно, стянутое на талии темно-красным по-

ясом. Она медленно повернула голову на звук этого успокаивающего голоса:

– Да, спокойной ночи...

– А где Кристиан?

– Пошел спать. Завтра ему рано ехать...

Давид понизил голос:

– Все эти истории про насекомых и свиные туши... не слишком вас напугали, надеюсь? Простите, застольная беседа была несколько... специфической...

– Знаете, я привыкла... Иногда бывают и более странные темы...

– Артур вас тоже не предупредил об этом кладбище животных, верно?

– Да, до приезда сюда ни слова не сказал... Примерно как вам... Сюрприз!

Она посмотрела на дуб:

– Хотите посидеть у огня? Очень приятно.

– Простите, но... господин Дофр меня ждет... Спокойной ночи...

– До завтра, – ответила Аделина.

Дофр ждал в лаборатории. В ладони он сжимал пару игральные кости, которые бросал в пустую коробку. Он сидел в профиль, его протез на правой руке, благородно покоящейся на ручке кресла, блестел. Из-за игры света и тени казалось, что ноги у него выточены, выпилены из цельного куска дерева.

Дофр обратился к Давиду:

– Если бы вас спросили, какой цветок отождествляется со смертью, что бы вы выбрали? Отвечайте не раздумывая, прошу вас.

– Аронник, – ответил Давид, подходя к Артуру.

– А цвет, напоминающий о смерти?

– Зеленый.

– Ну и наконец, инструмент.

– Бензопила, – сказал наобум Давид.

Дофр порылся в кармане, вытащил сложенный лист бумаги и расправил его:

– Как думаете, что обычно люди отвечают?

– Наверное... хризантема... черный и... коса?

Дофр кивнул:

– Почти в яблочко. Иногда вместо косы называют лопату, а вместо хризантемы розу или черный тюльпан. А почему вы ответили иначе?

Давид опустил голову и задумался:

– Думаю, у меня сама собой возникла ассоциация с профессией. Аронник пахнет аммиаком, это трупный запах. Зеленый – из-за зеленых пятен на животе, это первый признак разложения, возникает в правом подреберье. А вот что до бензопилы... не знаю, это первое, что пришло в голову... Может быть, потому что ею патологоанатомы пользуются, когда вскрывают черепную коробку.

Дофр жестом попросил Давида развернуть листок.

– Аронник, зеленый, пила! Как вы... Так! Я понял! У вас в кармане разные листки с разными комбинациями слов!

– Интересное предположение, но нет. Можете проверить.

– Но я ведь мог сказать, например... скальпель, молоток, топор или синий цвет, как цвет кожи у мертвеца!

– Но вы же этого не сказали. Все дело во влиянии, друг мой, во влиянии!

– То есть?

– Какой цвет доминирует в этой комнате? Зеленый. Тут все мухи зеленые. Когда вы вошли, я специально повернулся протезом к вам, а он блеснул. Отрезанная рука, бензопила, видите связь? Что же до аронника, это очевидно, вы сами сказали. Вы каждый день вдыхаете похожий запах, который можно сравнить с тем, что витает рядом со свиньями. Аммиак.

Давид в ответ лишь восхищенно молчал.

– И какой вывод из этого следует? – спросил он наконец.

Старик перебрал игральные кости в ладони. Давид приподнял бровь – на каждой грани были нанесены только шестерки.

– Влияние, – повторил Дофр, убирая в карман белые кубики. – Все дело в точке зрения и влиянии.

Давид взял в руки фотографию в рамке, которая стояла слева от черепа какого-то животного. Снимок был сделан издалека, на нем среди вспоротых свиней стоял огромный бородач в грязном свитере и высоких резиновых сапогах, на

его лице была хирургическая маска. Энтомолог за работой.

– Так! Теперь о Палаче! – предложил Дофр. – Разберемся с Палачом и его тайными мотивами!

– «Тайными мотивами»?.. Но сейчас о них прекрасно известно бихевиористам⁸, психиатрам, психологам и полицейским! Да и вообще любому обычному читателю! Это же касается и его почерка, манеры, которую... когда он... когда он принуждал этих несчастных женщин выполнять невозможные вещи... С тех пор столько уже об этом написали...

– То есть для вас Палач – прозрачен совершенно? Вы серьезно занимались этой историей?

– Да... Более чем серьезно.

– Но не более серьезно, чем я. Я уже четверть века ломаю голову, как... – Он сжал пальцы в кулак, поднеся ладонь к лицу. – Как будто меня разъедает какая-то болезнь. Вы поняли, например, почему он не совершил восьмого по счету преступления, которое должно было завершить начатое? Почему покончил с собой накануне предначертанной даты?

– У него была склонность к суициду, фрустрации, легкая шизофрения. Он чувствовал, что собственный бред затягивает его, что он не может владеть собой, ему уже не доставало фетишизма и убийств. Лишить себя жизни значило обрести свободу.

– Пустая болтовня! Вы знаете еще какого-нибудь серий-

⁸ *Бихевиористы* — психологи, занимающиеся поведенческими реакциями человека и животных.

ного убийцу, который бы пытался покончить с собой?

– Например, Джон Вейн Гловер и Дэвид Бёрни.

– Это исключения...

– Палач – тоже исключение.

Дофр с шумом выдохнул, как будто потерял терпение.

– Ладно, а цифры, которые он набивал черными чернилами на черепах оставленных им в живых детей. 101703... 101005... 98784...

– Вы прекрасно знаете, что этого никто так и не понял. Ответ он унес с собой в могилу... – Давид сделал паузу и продолжил: – В машине... вы сказали, что мы будем заниматься тайной чисел... Вы считаете себя умнее математиков, которые безуспешно бились над загадкой Палача?

– Нет, к сожалению! Но... тайна этих чисел все еще существует. Потому что существуют дети с вытатуированными на их головах цифрами. Преступник заклеил их. Они присутствовали, когда он убивал их родителей. Конечно, им было всего по два-три года, но татуировка эта... как бы выразиться... является символом того, что Палач продолжает жить, пока живут они. Вам что-нибудь говорит имя Фредерик Брасар?

– Брасар? Рабочий, который убил своих жену и сына, выстрелив им в голову, а потом покончил с собой?

– Совершенно верно. Он один из тех семи детей. Сын Потье, третьей убитой семьи.

– Не может быть!

– Истинная правда.

Давид сделал шаг назад:

– Но... Откуда вы об этом узнали? Тех детей раздали по детским домам, поместили в приемные семьи, некоторых из них усыновили! Вы точно уверены, что Брасар – один из них?

– Кто ищет, тот находит, особенно когда знаешь, в какие двери стучать... Возьмем, например, дочь Бемов. Она не знает, кто она... А я знаю... И хранить эту тайну очень непросто, поверьте мне...

Давид удивленно развел руками:

– С ума можно сойти. Честно говоря, верится с трудом...

– Вы мне не верите? Хотя, боже мой, ваша реакция совершенно естественна. Но теперь вы понимаете, насколько вы далеки от истинного положения дел. Но приступим, Давид... Сейчас вы мне расскажете... нет, не расскажете... вы оживите для меня последнее убийство Палача. Двойное убийство Патриции и Патрика Бем в тысяча девятьсот семьдесят девятом году. Почти двадцать семь лет назад... Станьте Палачом, станьте Бемами, станьте видеокамерой, будьте точным, предельно точным, когда начнете рассказывать о произошедшем... Удивите меня, удивите снова, так, как это сделала ваша книга.

Давид опустил в черное кожаное кресло. Семеро детей... Брасар, сам ставший убийцей. Печать маньяка на черепе детей, в умах детей...

– Давид?

– Да, простите... Это... Это проверка?

Дофр потянул за длинный шнурок. Комната погрузилась в темноту. Было слышно лишь тиканье часов и прерывистое дыхание старика. Да брюшки мух дьявольски мерцали в ночи.

– Не проверка, а... скорее погружение в тему.

– У меня есть карт-бланш?

– Карт-бланш... Да – реализм, точность. Вот и все, о чем я прошу.

Давид подумал было о Кэти, которая ждала его в постели.

Но зрачки его расширились, как у кота. Больше ничего не существовало. Кроме разгоряченного воображения.

– Надо мной сверкают молнии, я промок до костей. Зима, холодный дождь струится по моему телу, желание нарастает. То, что я чувствую этой ночью, стоя у окна этого дома, нельзя выразить словами, так со мной происходит каждый раз перед тем, как мне приступить к делу. Ноет налившийся кровью член... Она будет моей, будет! Я несколько недель слежу за ней. Скоро ты будешь меня умолять! Стонать! Вы станете моими на всю ночь, ты и твой муж. И сегодня все будет еще лучше, чем прежде. Меня ожидает само совершенство.

Давид ощупью добрался до окна. У него вспотели ладони, его внутренний взор становился все острее. Сцена вырисовывалась у него в голове, сцена крови и крика. Сколько книг он проглотил... Сколько репортажей о серийных убий-

цах и особенностях их почерков просмотрел... Сколько сцен убийств, измученных жертв... Он видел их в ночных кошмарах снова и снова, он не мог дышать от ужаса.

– Бемы немецких кровей. Обычная семья, живущая на берегу Рейна недалеко от деревушки Шенау, кажется... Мужчина, женщина, ребенок. Все спят. Палач знает, что в этом доме на опушке леса нет сигнализации. Остатки пищи, жестяные банки поблизости доказывают, что он неделями, если не месяцами, следил за своими жертвами. Ему нравилось знать их наизусть, понимать их слабые и сильные стороны, представлять себе различные сценарии. Палач не надевает перчаток, они ему не нужны. Он стер себе пальцы наждачной бумагой, стер почти до крови, чтобы не оставлять отпечатков пальцев. Он проникает в дом, разбив стекло на черной лестнице, шум стекла не слышен, он пользуется клейкой лентой. Патрик Бем – высокий красивый мужчина. Его жена, Патриция, милая блондинка, работает в турагентстве в нескольких километрах от дома. Думаю, в Сюдзузе.

– Не думайте, знайте!

– Бемы... У Бемов есть дочь. Решающий фактор в выборе Палача...

– Сколько лет ребенку?

– Около двух.

Видения сменяют друг друга, Давид чувствует звуки, запахи. Терпкость смолы и шишек смешивается с антисептиком. Дом Бемов двадцать семь лет спустя... Лес... Гроза...

– Палач как можно осторожнее поднимается по лестнице. За спиной у него рюкзак. Там лежат свеча, магазинные весы, священное перо страуса⁹, режущие инструменты. Ножницы, скальпель, щипцы. Наручники, веревка. Револьвер «Smith &...».

– Что за веревка? Цифры, пожалуйста! Белая веревка, девятимиллиметровая. «Smith & Wesson» сорок четвертого калибра, шестизарядный.

Кожаное кресло поскрипывало – Дофр волновался.

– Прошу прощения...

– Продолжайте и постарайтесь лучше!

«Девятимиллиметровая? Откуда мне знать?» Давид сосредоточился и вновь погрузился в события.

– Я... направляюсь к детской, осторожно вытаскиваю ребенка из кровати. Не хочу его будить. Девочка дышит, шевелится, но сразу засыпает, когда я прижимаю ее к себе. Я действую так уже седьмой раз подряд. Прихватываю одеяло. Так. Вот их постель. Я тебя вспорю! Мимо проходишь? Я тебе не интересен? Слишком уродлив? Глаз косит, так? Теперь решаю я. Я мужчина всей твоей жизни. Ты принадлежишь мне! Я тебя уничтожу... Сначала морально, а потом физически...

Давид открыл глаза. Видение пропало. Челюсть ломило. Тик-так. Дыхание Дофра. Скрип его кресла. Потрескивание

⁹ Священное перо страуса – символ египетской богини истины, справедливости, закона и миропорядка Маат.

пола, он все трещит и трещит. Несмотря на холод, Давид покрылся едким потом.

– Он вытаскивает из рюкзака револьвер и со всей силы ударяет мужчину в висок, потом срывает одеяло и наотмашь бьет женщину по лицу. В заключении патологоанатома говорится, что у всех жертв были гематомы и переломы. Он их практически нокаутировал ударом руки. Не будем забывать, что Палач качался и...

– Только действие! – захрипел Дофр, тяжело дыша. – Дальше! Не отвлекайся! Давай, давай!

– Хорошо. Он включает свет, тащит мужчину за волосы и приковывает наручниками к правой ножке у изголовья кровати. Связывает руки женщины ве...

– Имена! Используй имена! И пусть двигаются! Они живут, перемещаются! Твой рассказ слишком статичен! Громотвод! Поддай!

Дофр все больше возбуждался. Давид приложил ладони к оконному стеклу и продолжил вербальные экзерсисы, стараясь контролировать четкость мыслей. Но бурю не удержишь в кулаке.

– Он связывает руки Патриции спереди с помощью белой девятимиллиметровой веревки. Он... «Если закричишь, убью твою девку. Попробуешь убежать, убью девку. Тебя тоже касается, мудила. Сыграем в игру! Согласны? Согласны поиграть? Патриция! Видишь, я знаю, как тебя зовут! Патриция, заткни девку! Прямо сейчас!» Патриция стонет, в рот ей

попадают волосы, глаза жгут слезы. Она прижалась к стене, она унижена, растоптана, растерзана. Начинается моральное уничтожение. Она знает, что умрет. Нет, не знает! Она не знает! Это невозможно! Она не может умереть! По лицу Патрика течет кровь, собирается на подбородке. Он умоляет, умоляет снова и снова. Он обещает заплатить. Он ничего никому не расскажет. «Пожалуйста! Пожалуйста!» Патриция поднимается на ноги, она охвачена ужасом. Она не может не плакать. Ее ребенок! Ей хочется заорать, заорать до хрипа. Но нужно успокоить девочку. У Патриции сильный характер, даже в такой ужасный момент она старается владеть ситуацией. «Успокойся! Успокойся, милая!» Она мягко качает малышку. «Вот так, вот так, тише, тише...» – «Отлично. А теперь иди сюда, иди сюда. Не торопись, крошка, не торопись». – «Не трогайте ее! Пожалуйста, не трогайте!» Палач не слушает. Он открывает рюкзак и вытаскивает весы, съемные части, мерные гири. Один, пять, десять граммов. Он медленно, очень медленно собирает весы, сидя на полу лицом к Патрику. Потом он вытаскивает перо и разные пыточные орудия и раскладывает перед собой. Патриция пыт...

– Стоп! Стоп! Стоп!

Зажигается свет. Дофр стучит кулаком по столу.

– Весы собирает, перо вытаскивает, разные причиндалы, ля-ля-ля... Как он выглядит в эти моменты? Речь идет о его почерке, о взрыве чувств! Слюна течет, сердце выпрыгивает из груди, адреналин зашкаливает, кожа гусиная! А жертвы?

Как они реагируют? Ты торопишься закончить или что?

– Просто...

Дофр отдышался.

– Ты хорошо рассказываешь, сомнений нет, но надеюсь, что роман будет намного лучше! Как, по-твоему, я могу погрузиться в действие, если ты поешь мне песню, которую уже сто раз на все лады пели, да я наизусть ее знаю! Дух, мгновение, страх персонажей, вот что ты должен передать! Придумай что-нибудь новое! Неужели это так сложно? Я выбрал тебя! Выбрал Давида Миллера! Будь же на высоте!

– Буду. Но не торопите меня. Хотите узнать меня лучше... Ведь именно этого вы хотели добиться вашим упражнением, разве нет? Только я не из тех, кем можно манипулировать, господин Дофр.

– И однако же я это сделал, задавая свои вопросы, когда ты пришел сюда.

– Полагаю, все дело скорее в некоем фокусе, не более того. Артур щелкнул ногтем по ручке кресла:

– Ты думал, что приехал сюда отдыхать? Не забывай – я плачу за каждую секунду, которую ты тут проводишь. И дорого плачу. Подари мне месяц, всего лишь месяц своей жизни, выложись на все сто. И тогда, быть может, ты больше никогда не будешь бальзамировать трупы, от которых тебя тошнит. Не будешь просыпаться в холодном поту от ночных кошмаров...

– Мои кошмары касаются только меня. А если вас так уж

интересуют детали, то знайте, я их не бальзамирую. Я их консервирую. Две большие разницы.

Дофр кивнул на стопку лежавших справа от него цветных папок и листов:

– Возьми вот это дело. Здесь подробностей на десять страниц. Жду текст к утру послезавтра.

Давид не шелохнулся.

– Я как раз думал о пишущей машинке... Ведь с ней у нас будет всего один бумажный экземпляр, не так ли? Ни дискеты, ни диска? И как же мы поступим, если текст книги захотят опубликовать, когда мы вернемся во Францию? Нам обязательно понадобится компьютерный вариант!

– Об этом не беспокойся. Отсканируем с распознаванием надстрочных знаков, и все готово. Я передам текст нужным людям, обещаю. Но, как я говорил, он должен быть хорошим... очень хорошим... А теперь возьми, пожалуйста, папку...

Давид помялся, потом взял дело в руки.

– Этот кладезь информации – твой. Запомни каждый нюанс, каждую мелочь.

Молодой человек наклонился вперед. Тень от черепа вытягивается в свете лампочки. Раскрывается рот, ужасы с первых же страниц оставляют на щеках горячую пощечину.

В папке убийства, фотографии. Раны, вскрытия – крупным планом. Море крови. Давид перестал владеть собой.

– Но... это... похоже... на настоящие фотографии сцен

убийств! Здесь... заключения экспертиз, вскрытий! Даже результаты вскрытия самого Тони Бурна!

Он поднял голову, потом снова погрузился в бумаги, перелистывая страницы одна за другой... множество документов того времени.

– Это же... Да это же записи сеансов психоанализа Па... Палача! А... Но как?..

Ноги у него вдруг стали ватными, и он опустился на стул.

– Ваша подпись! Ваша, Артура Дофра! Вы были... психологом! Его психологом! Вот почему вы так досконально знаете его историю! В деталях! Тони Бурн приходил к вам на консультации до того, как совершить убийства!

– Нет, не до, а во время... – выдохнул Дофр. – Во время убийств...

– Что? Во время?

– Сеансы продолжались до того дня, когда со мной произошёл несчастный случай, после которого моя жизнь остановилась. У меня не осталось аудиозаписей, полиция все забрала. Остались только расшифровки тех записей, мне удалось вырвать их из лап легавых, а еще... еще разные вещи, за которые я дорого заплатил. Ты держишь в руках одно из самых конфиденциальных и скандальных дел за последние тридцать лет...

Давид потрогал свой шрам – крохотный бумеранг.

– Личный психолог, – повторял он. – Личный психолог... Но как же...

Ему не удавалось собраться с мыслями добрых десять секунд.

– Об этом никогда не говорили! Ни пресса, ни правосудие! А книги! Ни в одной, абсолютно нигде нет вашего имени! Этого не может быть!

– Может, может, и я этому живое подтверждение.

Давид понял, что скрипит зубами. Что за призрак ему явился?

– Сложно поверить, да? Но нужно вспомнить социальную и политическую обстановку того времени, – объяснял Дофр. Голос у него снова звучал спокойно. – Конец семидесятых годов. Все обсуждают смертную казнь. В Европе проводятся многочисленные конференции под эгидой Amnesty International¹⁰. Валери Жискар д'Эстен¹¹ выступает против высшей меры наказания, но и народ шумит, требует наказания убийцам. В семьдесят первом Бюффе и Бонтем убивают заложников, Рануччи в семьдесят четвертом кончает девочку, и чаша весов клонится в сторону народа. В семьдесят седьмом Патрик Анри получает за убийство ребенка пожизненное, и накал растет. Создаются группы давления,

¹⁰ *Amnesty International* – международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1961 году. Цель организации – «предпринимать исследования и действия, направленные на предупреждение и прекращение нарушений прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации».

¹¹ *Валери Жискар д'Эстен* – французский государственный и политический деятель, президент Французской республики в 1974–1981 годах.

в них входят самые высокопоставленные политики. Прокуроры, министры и даже министр юстиции. Д'Эстен мечется между своими политическими лозунгами и этими влиятельными особами, которые приказывают ему следовать мнению избирателей...

Дофр промокнул лоб носовым платком:

– С появлением Палача дела только ухудшились. Началось семьдесят девятого. Семь двойных убийств менее чем за два года, а он все еще на свободе. Полицейских освистывают, презирают, политики места себе не находят. «Эти слабаки должны его поймать! Должны принести нам его голову!» Вот такие лозунги слышатся на улицах крупных городов Франции. «Смерть ему! Смерть!» Третьего июля Тони Бурна находят повесившимся у себя дома. Вскрытие подтвердило самоубийство. После обыска, после того, как полицейские увидели стертые пальцы Бурна и сравнили оставленные им следы и его волосы с теми, что были обнаружены в домах жертв, стало ясно, что речь идет именно о Палаче. Полицейские проверяют его банковский счет, выявляют выписанные на мое имя суммы и почти сразу же заявляются ко мне, а я на тот момент уже четыре месяца не веду приема из-за несчастного случая. Они тайно увозят меня, допрашивают, уничтожают все, что касается убийцы. Его личное дело, записи наших бесед. Будто бы Палач никогда не обращался к психологам. А мне «для моей же безопасности» советуют переехать и с тех пор перечисляют какое-то грошовое посо-

бие, чтобы я до конца дней «ни в чем не нуждался»... Черт возьми! Да я в три раза больше налогов на наследство заплатил, когда умерли мои родители, и ежегодно продолжаю отстегивать государству кругленькую сумму! Наследование дорого стоит...

– Но... почему?

Собеседник Давида устало опустил руки на колени.

– Ты что, не понимаешь? Палач должен был остаться в глазах французов чудовищем! Когда легавые обнаружили, что он повесился, чувство несправедливости только возросло. Никогда еще опросы мнений не показывали такого высокого процента тех, кто выступал за смертную казнь! Народ прямо-таки жаждал, чтобы Палач сдох у них на глазах, а он умер сам! Тогдашнее правительство просто не могло перед приближающимися выборами объявить, что Палач был болен и хотел вылечиться. Ведь идти против народа значило проиграть выборы! Вот и всё!

Давид резко вскочил со стула, рука его лежала на стопке бумаг.

– Невероятная история! Более двадцати семи лет вранья, лжи... И вас не мучают угрызения совести?

– Если бы мучили, я бы не вел сейчас с тобой эту беседу. Меня уничтожили бы или разведслужбы, или сам народ. Тогда давление было огромным, на кону стояло многое. Они следили за мной, Давид, следили долгие годы... И не забывай, что во время сеансов я не знал, что Тони Бурн и Палач –

один и тот же человек. Откуда мне было знать? Он играл со мной, а я ничего не подозревал. Люди бы не поняли... Меня бы линчевали...

Давид снова опустился на стул:

– И вы признаетесь в этом мне... Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

– Я долго об этом думал, поверь мне. Но мне казалось, что ты не сможешь написать о Палаче, если не проникнешь к нему в душу. Он должен стать частью тебя, как был – и как все еще является частью меня. Иначе твой роман окажется очередной кучей предположений и вранья... – Он поднял указательный палец. – Все это, безусловно, останется между нами... Ты отлично понимаешь, если верить твоему последнему роману, что люди ненавидят, когда начинают ворошить старые дела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.